

Оглавление

Тема № 1. О пути богопознания	2
Тема № 2. О покаянии и о милости Бога к кающимся грешникам	4
Тема № 3. О смирении и смиренномудрии	6
Тема № 4. О высшей справедливости Бога, о неисповедимости путей Господних и об искушениях в жизни верующих людей	8
Тема № 5. О том, что Бог принимает от человека только одну жертву — его свободную волю жить в Господе	10
Тема № 6. Предание себя в волю Божию — путь ко спасению	12
Тема № 7. О духовном разуме и духовном рассуждении	13
Тема № 8. О том, что для спасения нам нужно изо всех сил подвизаться в духовных трудах, о добродетелях	15
Тема № 9. Об отречении в сердце своем от мира и всего мирского	17
Тема № 10. О чистоте души и сердца	18
Тема № 11. О страхе Божиим	20
Тема № 12. О вере	21
Тема № 13. О Божественной любви, о любви к Богу	22
Тема № 14. О том, что необходимо всегда помнить Господа, о трезвении	24
Тема № 15. О брани с бесами и страстями	26
Тема № 16. О Борьбе с помыслами	28
Тема № 17. Об истинной молитве	30
Тема № 18. О том, как правильно молиться	32
Тема № 19. О теплоте сердечной и благодатном плаче	34
Тема № 20. О памяти смертной	35
Тема № 21. О духовном наставничестве и о послушании наставнику	36
Тема № 22. О человеческой плоти	37
Тема № 23. О чревоугодии	38
Тема № 24. О похоти. О браке и семейной жизни	39
Тема № 25. О безгневию и кротости, о непамятозлобии	40
Тема № 26. О сребролюбии и о нестяжании	41
Тема № 27. О лени и нерадении. О трудолюбии	42
Тема № 28. О неосуждении, милосердии и о делании добра	43
Тема № 29. О тщеславии и гордости, лжи и лицемерии	45
Тема № 30. Об унынии и отчаянии	46
Тема № 31. О том, что можно сказать о Боге	47
Тема № 32. О Боге, троичном в Лицах	49
Тема № 33. Об именах Божиих	51
Тема № 34. О Божественной иерархии, ее единстве и гармонии	53
Тема № 35. О добре и о том, что есть зло	55
Тема № 36. О тайне боговоплощения	57
Тема № 37. О действии Духа Святого	59
Тема № 38. О высшем духовном состоянии совершенных	61
Перечень цитируемой литературы	63

Текст составлен из цитат величайших святых учителей Православной Церкви

<http://www.princess-and-prince.com>

Тема № 1. О пути богопознания

Безумствует всякий человек в своем знании (Иер. 10:14). Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом. Господь знает умствования мудрецов, что они суетны (1 Кор. 3:18–20). Источник премудрости — слово Бога Всевышнего, и шествие ее — вечные заповеди. Мы обнаружили два смысла у слова «истина». Один — постижение того, что ведет к блаженной жизни, другой — верное знание относительно чего бы то ни было из вещей окружающего нас мира. Истина, содействующая спасению, живет в чистом сердце совершенного мужа, который бесхитростно передает ее ближнему, а если мы не будем знать истину о земле и о море, о звездах и об их движении и скорости, то это ничуть не помешает нам получить обещанное блаженство. Если бы чувственные рассуждения представляли истину вещей в будущем веке, то мудрецы века настоящего стали бы наследниками Небесного Царства, но если ее видит чистая душа, мирские мудрецы окажутся далеки от познания Бога. Ибо чистое сердце представляет Богу ум совершенно не имеющим собственного образа и готовым опечататься Его напечатлениями, через которые Ему свойственно являть Себя. Чистота не такой предмет, который приобретается благодаря чтению о различных вещах или благодаря знанию множества учений, но устанавливается она благодаря очищению мысли от воспоминаний о ничтожных земных предметах и размышлению о служении Богу. Не упускай то, что ценно, и не бросайся на то, что наполняет тебя только знанием, способствующим гордости.

Говорить о Боге, исследовать о Нем, покушаться ясным представлять неуяснимое и понятным непостижимое для всех свойственно человеку самонадеянному и дерзкому. Хотя о Божественных вещах написано в книгах Святого Писания и все о том читают, но не всем они открываются, а только тем, кто покаялся от всей души и хорошо очистился чистым и бесхитростным покаянием. От таковых-то исходит слово ведения и премудрости Божией. Невозможно людям мирского духа, не родившимся в Святом Духе, приобрести опытное знание духовных предметов, и даже если они хотят вникнуть в них, то попусту надмеваются от своего плотского ума. Опираясь на мирскую мудрость и воображая, будто они могут собственным разумением постичь духовные предметы без посещения и откровения Духа, мирские люди теряются и гибнут без истинного основания, то есть Господа, благодаря Которому духовные люди вбирают всё духовное знание. В некую слепоту и воображение мнимых успехов впадает ум этих гордецов, собственным разумением и силой полагающих объять духовное знание, но если и все Писание они пересказывают наизусть, истинного смысла того, что произносит их язык, они не знают. Знание этих тайн есть достояние тех людей, которых ум каждодневно просвещается Духом Святым ради чистоты душ их, тех, чьи умные очи открыты действием лучей Солнца правды, тех, кому дано Духом Святым слово разума и слово премудрости, тех, кто сохраняет совесть и страх Божий посредством любви, мира, благодати, милосердия, воздержания и веры. Вот чье достояние есть ведение Божественного! Не имевшие этого опыта не прикасаются к духовному, действие Святого Духа постигается чистой и верной душой, и небесные умные сокровища являются только принявшему их на опыте, непосвященному же совершенно невозможно даже помыслить их. Как, рассуждая о городе, которого не видел, ты через это рассуждение еще не увидишь его реально, так Бога и Божественные вещи ты тоже не увидишь через одно рассуждение и богословствование. Отцы не скрыли от нас и того, какие признаки у заблуждения и у истины.

Заблуждение, хоть оно притворно изображает личину добра, хоть одевается в светлые одежды, не может произвести никакого доброго действия: ни ненависти к миру, ни

презрения к мирской славе, ни влечения к небесному, ни успокоения помыслов, ни духовного покоя, ни радости, ни мира, ни смирения, ни прекращения земных наслаждений и страстей, ни благородного душевного расположения, потому что все это — действия благодати, которым противоположны плоды заблуждения.

Всякий мнящийся быть мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего безумным, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость. Мудрецы, которые хотят быть толкователями Писаний, не имея Небесного Духа и не имея единения с Божеством, подобны уродам, не обладающим здоровыми членами тела своего, передающие ущербное и гнилое слово. Таковы поврежденные грехом, от своего ума или от своей мудрости они хотят вещать о небесном, от которого не родились. Ибо кто познает Творца, прежде чем не увидит Его? Те же, живущие в страстях, как сказал я, нося безумие, как одежду, и облекшись в самомнение, как в славу, утешаются и смеются над прочими, хотя сами играют с тенями по подобию щенков. Рабы самомнения и гордости, добровольно ставшие ими и отдавшиеся в плен, они всегда исполняют свою волю, оставив Божии законы, они сами себе суть закон, и не Богу, но себе самим они служат (о дерзость!), вместо славы Божией ища своей славы и стараясь создать ее всякими делами и способами. Хотя телесными, плотскими ушами они и слышат, но духовные уши сердца имеют покрытыми и совершенно не могут слышать Бога. Ибо они никоим образом не в состоянии снять с самих себя покрывала гордости и нечувствия, потому что сами на себя возложили его добровольно и только думают, что видят и слышат. В самом деле, неужели не бесчувствен, и даже более того, тот, кто, родившись несчастно в преисподней и обитая в совершенном мраке настоящего мира, не узрев света будущего века, который воссиял на земле и непрестанно сияет, утверждает, что знает и понимает то, что на небе, и видит все тамошнее, и прочих тому учит? Так вот внешняя мудрость, противопоставив себя мудрости Бога, стала глупостью. Заботы и занятия плотского разума суть: богатство, почет, убранство, телесный покой, забота о словесной мудрости (образованности), пригодной к начальствованию и совершению обновлений в изобретениях, и искусствах, и науках, и все прочее, чем увенчивается тело (внешняя жизнь) в этом видимом мире. Это — голый разум, потому что исключает всякое Божественное попечение, но через это вносит совершенное бессилие в душу человека. Сам этот ум о себе думает, что всем управляет в человеке и во внешней, и во внутренней жизни. Таков разум кичащий, у которого сок и кровь — надмение и гордыня! Таково гордое мнение о себе плотского разума. Он мечтает, что все бывает по его промыслению, а сам между тем пребывает в непрестанных опасениях и тревогах. Не может он пребывать без страха за тело, потому что овладевают им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость в болезни, попечительность в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий.

Тайны Царства Небесного сокровенны и, по слову Господа, никому не дано знать их, так для чего оставил ты делание заповедей Его и пытаешь о тайнах, которые сокрыты от всех людей? Более будь привязан к Богу, чем стой за учение о Боге. Всякое слово можно оспаривать словом, но праведную жизнь чем оспоришь? Слов нужно меньше, если делать должное, художник объясняется творениями.

Тема № 2. О покаянии и о милости Бога к кающимся грешникам

Беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет. Все преступления его, какие делал он, не припомнятся ему: в правде своей, которую будет делать, он жив будет. Разве Я хочу смерти беззаконника? — говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив? (Иез. 18:21–23). Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать? Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь и живите! (Иез. 18:31–32). Сын мой! Если ты согрешил, не прилагай более грехов и о прежних молись (Сир. 21:1). Благодать Божия ведет тебя к покаянию (Рим. 2:4). Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9:13). Образумьтесь же, безумные люди, несмысленные, умудритесь! Ужели не слышит Сотворивший ухо? И не видит злодеяний ваших Создавший око? (Пс. 93:8–9). Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все (1 Ин. 3:20). Не стыдись исповедовать грехи твои и не удерживай течения реки (Сир. 4:30). Есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд — слава и благодать (Сир. 4:25). Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть (2 Кор. 7:10). Когда умолчал я о грехах моих, изнемогли кости мои, ибо стонал я весь день. Ибо день и ночь тяготела на мне рука Твоя; и вновь изведаль я муки, когда совесть моя уязвила меня, как терн. Но беззаконие мое познал я и греха моего не сокрыл; сказал я: «Исповедаю беззаконие мое Господу», и Ты простил нечестие сердца моего (Пс. 31:3–5). Блажен муж, которому Господь не вменит греха (Пс. 31:2). От тайных грехов моих очисти меня. От чуждых естеству огради раба Твоего! (Пс. 18:13–14) Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе (Рим. 7:18). Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю (Рим. 7:19). Тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию — закону греха (Рим. 7:25). Итак, да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его (Рим. 6:12). Ибо возмездие за грех — смерть (Рим. 6:23). Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши (Деян. 3:19).

Чтобы людям не лишиться блаженства по причине полученной ими от Бога свободы, когда они злоупотребили ею, Он по Своему милосердию изобрел второй дар, который есть покаяние, чтобы через него получали они обновление каждый день и им были оправдываемы на всякий миг. Причем Он установил покаяние вне времен и ограничений, оно не вызывает усталости, которая была бы сверх человеческой силы, напротив, оно происходит в разуме, воле и совести, а также в сердце страждущем и сокрушенном, так чтобы всякому легко было получить пользу от него — быстро и в любой момент. Есть два обличения: одно здесь, в настоящей жизни, во спасение, а другое — там, по смерти, в осуждение. Ныне, в настоящей жизни, входя в свет через покаяние, самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но, по благодати и человеколюбию Божию, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубине души нашей, во очищение и прощение грехов наших. И только один Бог вместе с нами знает и видит сокровенности сердец наших. И кто здесь, в настоящей жизни, бывает судим таким судом, тому нечего бояться другого какого истязания. Всякий судимый этим добрым судом покаяния не будет уже бояться никакого другого суда или мучения, не будет страшиться и искушений, находящихся на него. Плачущие и болезнующие о грехах своих не имеют страхований. Кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого. Когда человек помнит прежние свои грехи и наказывает себя, тогда Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его. Бог радуется, что за уклонение от пути Божьего сам он

наложил на себя наказание, что служит знаком покаяния. И чем больше делает он принуждения душе своей, тем паче приумножается Богом честь его.

Покаяние есть познание грехов своих, снимает их милость Твоя. Хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но спасаемся все же по милости. Отсюда научаемся, что с правдою потребно иметь сердце сокрушенное. Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. Говорящий о себе, что не согрешил, и сам того не чувствуя, равным себя творит Богу, будучи в действительности равен дьяволу возгордившемуся, подумавшему: «Выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему». Сколько раз ни согрешишь, спеши покаяться, не допускай отчаяния. Еще согрешишь, еще покайся, не опускайся и не отпадай от надежды получения предлежащих нам благ. Хоть ты уже старик и согрешил — иди в церковь и покайся. Здесь врачбница, а не судилище, здесь не муки за грехи налагают, а дают отпущение грехов. Когда восчувствовал Петр свое падение и начал плакать, и плакал не просто, но горько, тогда слезами из очей второе устроил себе крещение. Таким горьким плачем изгладил он грех свой. Если же такой грех, как отречение от Господа, изглажен плачем, то неужели ты, если восплачешь, не изгладишь греха своего? Кто всегда помнит грехи свои и помышляет о будущем суде, кается и плачет, тот преодолевает и препобеждает все вообще страсти. Ибо он подымается силою покаяния столь высоко, что никакая страсть не может достать его и схватить душу его, парящую в вышине. Но если ум наш не возвысится и не достигнет меры бесстрастия покаянием, слезами и духовным смирением, происходящим от слез, то нам невозможно быть свободными от сказанных страстей. Прежде плача и слез — никто да не прельщает нас пустыми словами и сами себя да не прельщаем — нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших: не сознали еще мы себя виновными и не осудили, и душа наша не была еще в чувстве будущего суда и вечных мук. Братья мои, паче всех других дел, или вместе со всеми ими, да будет у нас всех делом существеннейшим покаяние, и плач, неразлучный с ним, и слезы — порождение плача. Из этого болезненного покаяния рождается потом покаяние чистое, отрадное, превращающее горькие слезы в сладкие, вселяющие в сердце наше непрестанное некое радование и делающие нас достойными и способными узреть неприступный свет Божий. Теплота покаяния и горячность слез наших, исходящих из самой глубины сердца, испаряют и сожигают, как огонь, всю греховную скверну, и душу, оскверненную ею, делают совершенно чистою, и не только это, но душа при этом получает еще богатое осияние Божественного света, благодатию Духа Святого преисполняется милостью Божьею и благими плодами.

Покаяние есть примирение с Господом через совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести. Знать, впрочем, надлежит, что для получения прощения грехов требуется не только искреннее от всей души раскаяние в них, но еще и твердое намерение не падать более в те же грехи и не возвращаться вспять. И это требование не падать опять в те же грехи очень трудно нам соблюсти. Когда оплакиваешь грехи свои, никогда не слушайся бесовского помысла, который внушает тебе, что Бог человеколюбив, ибо он делает это с тем намерением, чтобы отторгнуть тебя от плача и от бесстрашного страха. Мысль же о милосердии Божиим принимай тогда только, когда видишь, что низвергаешься во глубину отчаяния. Нет ничего равного милости Божией, нет ничего больше ее. Поэтому отчаявшийся сам себя губит. Прежде падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения — жестоким.

Тема № 3. О смирении и смиренномудрии

Не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил (Рим. 12:3). Не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе (Рим. 12:16). Всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк. 18:14). Каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал (1 Кор. 7:17). В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом (1 Кор. 7:24). Сколько ты велик, столько смирайся, и найдешь благодать у Господа (Сир. 3:18). Сильные должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию (Рим. 15:1–2). Все, что ни приключится тебе, принимай охотно и в превратностях твоего унижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, — в горниле унижения (Сир. 2:4–5). Сын мой! Не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь кого любит, того наказывает (Евр. 12:5–6). Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю (Откр. 3:19). Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время (1 Пет. 5:6). Что такое человек, чтоб быть ему чистым и чтобы рожденному женщиною быть праведным? (Иов. 15:14). Что такое человек, что Ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание Твое, посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его? (Иов. 7:17). ...Господи, Ты — Отец наш; мы — глина, а Ты — образователь наш, и все мы — дело руки Твоей (Ис. 64:8). Годы жизни нашей развеиваются, точно паутина; мера лет наших — семьдесят лет, если же в силах мы — восемьдесят лет, к тому же скорбь и болезни; этим обретаем мы смирение и назидаемся (Пс. 89:10). Честна пред Господом смерть праведников Его (Пс. 115:6). Близок Господь к тем, кто сокрушен сердцем. И смиренных духом спасает (Пс. 33:19). Принимает кротких Господь, а грешников унижает до земли (Пс. 46:6). Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными — мудрость (Притч. 11:2). Итак, непокорный непокорен не человеку, но Богу (1 Фес. 4:8).

Душа истинно боголюбивая и христоролюбивая, хотя бы и совершила тысячи праведных дел, по ненасытимому стремлению своему ко Господу думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала, хотя бы изнурила тело свое постами и бдениями, при таких остается чувствованиях, будто бы не начинала еще трудиться для добродетелей, хотя бы сподобилась достигнуть различных духовных дарований или откровений и небесных тайн, по безмерной и ненасытимой любви ко Господу сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела, а, напротив того, ежедневно алкая и жаждая, с верою и любовью пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроением себя во всякой добродетели. Наслаждение Богом ненасыσιμο, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим. Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу, чем более стараются они преуспевать и приобретать, тем паче признают себя нищими и ничего не приобретшими. Они говорят: «Недостойн я, чтобы это солнце озаряло меня». Это признак христианства, это — смирение. Одного только требует Господь от всякого верующего в Него, того, чтоб он всецело вверил себя Ему — Христу, то есть чтоб имел полную на Него надежду и питал непоколебимую уверенность, что только силою Христовою, а не своею собственною можно спастись. И такой только есть настоящий христианин, кто полную надежду возлагает на одного Христа, что Он один все в нем исправит и уврачует его и по душе, и по телу. Всякому христианину относительно всех добрых дел, какие делает, надлежит исповедать, что их совершает Христос, а не он, кто же не так помышляет об этом, тот всеу есть христианин. Итак, не требуется, чтоб человек взамен за душу свою дал что-либо другое, кроме познания себя, что он ничто. Только при этом способен он будет

принести Богу сердце сокрушенное и смиренное — единственную жертву. «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50:19). Эту жертвою спасались, спасаются и будут спасаться все цари, вельможи, благородные, низкородные, мудрые, неученые, богатые, бедные, нищие, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убийцы и всякий род грешников. Глубина смирения — этой спасительной жертвы — должна быть измеряема мерою грехов, то есть по мере грехов, какие наделал человек, да будет у него и смирение с сокрушением.

Что есть смиренномудрие? То, чтобы познать и сознавать свою человеческую немощь. Родитель же и отец смиренномудрия есть ум, просвещаемый благодатью Христовою и помощью Божественного света, ясно видящий немощь свою; напротив, отец высокоумия и гордости есть ум, покрытый мраком неведения. Если же кто не соблюдает великого смиренномудрия, то предаётся он сатане и обнажается от данной ему Божественной благодати, и тогда обнаруживается его самомнение, потому что он наг и беден. Поэтому обогащающийся Божию благодатью должен пребывать в великом смиренномудрии и сердечном сокрушении, почитать себя нищим и ничего не имеющим, думать: «Что имею у себя, все то чужое, другой мне дал и, когда захочет, возьмет у меня». Что значит вменять себя ни во что? Значит ни с кем не сравнивать себя и не говорить о добром деле: «Я это сделал». Берегись высокоумия, чтоб не потерять всего. Кто так смиряет себя пред Богом и людьми, тот может сохранить данную ему благодать. Человек смиряется, плачет, ищет помощи Божией с великим рвением и тогда явно видит, как благодать Всесвятого Духа приходит в него, и искореняет, и уничтожает страсти одну за другою, пока не освободит душу от всех их, ибо благодать Святого Духа не от одной или от двух страстей освобождает душу, но совершенно от всех, чисто-начисто. Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слез, по мере слез и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и возрастает надежда и даёт вернейшее удостоверение во спасении. Когда душа придет в такое доброе состояние и ум ее силою Духа о Христе Боге погрузится во глубину смирения и забудет мир и все, что в мире, помышляя только о себе и своем, так что это обратится в постоянный навык и настроение неизменное, тогда душа видит себя крайне униженною и бедною и убеждается, что между всеми людьми мира нет никого другого столь ничтожного, как она. Таким образом, чем более кто имеет себя в чувстве души беднейшим и нижайшим всех людей, тем он бывает первее и выше всех людей. Степень самопознания и боговедения определяется степенью смирения и кротости. Блажен тот, который всякого человека почитает как бы богом после Бога. Блажен почитающий себя отребием всех. Он держит на сердце, что во всем мире нет ни одного человека, который был бы ниже и грешнее его. Кто стяжает такую жертву сокрушения со смирением, тому некуда пасть, потому что он имеет себя ниже всех.

Ведай, чадо, что Бог не благоволит много ни к посту, ни к бдению, ни к другому какому телесному труду, ни к какому другому доброду делу и не являет Себя никому, кроме смиренной, непытливой и благой души. Постоянные выговоры со стороны совести есть признак смирения. Отсутствие их в каком бы то ни было действии есть признак ожесточения сердца: это указание на то, что человек привык оправдывать себя, обвиняя вместо себя своего ближнего или — хуже того — сам премудрый Промысл Божий.

Тема № 4. О высшей справедливости Бога, о неисповедимости путей Господних и об искушениях в жизни верующих людей

Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться. Он ли скажет и не сделает? Будет говорить и не исполнит? (Чис. 23:19). Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь (Мал. 3:6). Кто противостанет суду Твоему? И кто обвинит Тебя в погублении народов, которых Ты сотворил? Или какой защитник придет к Тебе с ходатайством за неправедных людей? Ибо кроме Тебя нет Бога, который имеет попечение о всех, чтобы доказывать Тебе, что Ты несправедливо судил. Будучи праведен, Ты всем управляешь праведно, почитая не свойственным Твоей силе осудить того, кто не заслуживает наказания. Ибо сила Твоя есть начало правды, и то самое, что Ты господствуешь над всеми, располагает Тебя шадить всех. Силу Твою Ты показываешь не верующим всемогуществу Твоему и в не признающих Тебя обличаешь дерзость; но обладая силою, Ты судишь снисходительно и управляешь нами с великою милостью, ибо могущество Твое всегда в Твоей воле (Прем. 12:12–13, 15–18). Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников (Еккл. 8:14). Не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение (Еккл. 9:11). Тогда я увидел все дела Божии и нашел, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого (Еккл. 8:17). Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек: к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить, — и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его (Еккл. 3:14). Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его (Притч. 16:9). Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом (Притч. 19:21). Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним (Притч. 16:7). Ибо не во множестве сила Твоя и не в могучих могущество Твое; но Ты — Бог смиренных, Ты — помощник умаленных, заступник немощных, покровитель упавших духом, спаситель безнадежных (Иудифь. 9:11). Ибо сила Моя совершается в немощи (2 Кор. 12:9).

Так устроено наше существование в этом мире: мы терпим скорби и утраты, в том числе самых дорогих и близких для нас людей. Нам завещано Богом нести свой крест: «Кто не несет креста своего и не идет за Мной, не может быть Моим учеником», — сказал когда-то Господь. Нужно смириться. На все Его воля. Давайте принимать ее такой, какая она есть. Как бы это ни было горько. Другого выхода просто нет. Все, что происходит в этом мире, кроме греха, происходит по Его предопределению. Можно сокрушаться и отчаиваться, но этим мы будем только вредить себе. Лучше мужественно посмотреть на новые обстоятельства и понять, чего Он хочет от нас теперь.

Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению (Сир. 2:1). Невозможно не прийти соблазнам (Лк. 17:1). Мир лежит во зле (1 Ин. 5:19). Горе миру от соблазнов, надобно прийти соблазнам (Мф. 18:7). Ибо многие обольстители вошли в мир (2 Ин. 1:7). Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх (Иов. 5:7). В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир (Ин. 16:33). Я с вами во все дни до скончания века (Мф. 28:20). По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше (2 Кор. 1:5). Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести (1 Кор. 10:13). Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь (Евр. 2:18). Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? (Иов. 2:10). Если кто хочет идти за Мною, отвергнись

себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Лк. 9:23). Кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником (Лк. 14:27). Терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21:19).

Желающий угодить Богу, стать сонаследником Христа прежде всего должен, окрылившись долготерпением и стойкостью, доблестно переносить всевозможные и разнообразные скорби, невзгоды и нужды, будь то телесные болезни и тяготы, будь то поношения и оскорбления со стороны людей, а также — невидимые различные скорби, насылаемые на душу злыми духами, действующими с той целью, чтобы воспрепятствовать человеку войти в Царство, привести душу в расслабление, равнодушие и нетерпение. Те только в состоянии будут пройти подвиг до конца, которые всегда по собственной воле своей любили единого Бога и отрешились от всякой мирской любви. Но весьма немного оказывается людей, которые бы восприняли такую любовь, отвращались от всех мирских удовольствий и пожеланий и великодушно претерпевали восстания и искушения лукавого. Весьма многие из людей хотят сподобиться Царствия без трудов, без подвигов, без пролития пота, но это — невозможно. Крайне потребны и спасительны христианину искушения, скорби, тесноты и лишения, да познает на себе многопомощную силу Божию и Бога да благодарит от всей души, от всего помышления и всею силою. Кто живет спокойно и не имеет искушений, тот подвержен двум невыгодам: первая, что не так усердствует к Богу и не от всей души благодарит Его, а вторая, что ум его неизбежно впадает в суетные попечения и заботы. Может быть, и Адам не так бы легко прельстился, не послушал бы злого совета дьявола и не восхотел бы быть богом, если бы поусерднее благодарил Бога, когда был окружен в раю величайшим упокоением и неизреченною радостью. Если бы у людей все было в жизни: отдых, и наслаждение, и сытость, и богатство без бедствий и мучений, люди не вынесли и не стерпели бы этого, презрели бы Бога и совершенно предались плотским наслаждениям, как сказано в Писании: «Ел Иаков и утучнел, разжирел, отолстел, раздобрел и оттолкнул он Бога, возлюбленный Им» (Втор. 32:15). Поэтому воля Духа такова: в ком обитает Он — не приучает их к лени. Напротив того, Дух побуждает их не покоя искать, но предаваться лучше деланию заповедей Божиих и попускает скорби. Испытаниями Дух укрепляет их и делает так, чтобы приближались они к мудрости. Человеческое же усилие, и подвиг, и искусство, и приверженность к Богу тогда делаются видимыми, когда при отступлении благодати человек будет мужаться и вопиять к Богу. Душа, последующая слову Господню, должна перенести всякое приходящее искушение, как скрытое, так и явное, и всегда возлагать надежду на Господа, верить, что в Его власти как допустить нашей душе испытать скорби, так и освободить ее от всякого искушения и скорби. Ведь когда душа испытывается в великих испытаниях и разнообразных бедствиях, стойко претерпевая их в надежде на Господа, всякий вид зла в ней понемногу убывает и тяжкое бремя сопутствующего ей греха сбрасывается. Бог испытывает души, чтобы познать, что данный человек любит Его не с корыстной целью, но только — как Самого Владыку, Творца и Бога, как достойного великой любви и почитания. Тех, кто не ради награды, но по чувству долга служит перед Ним, удостаивает Он великого утешения. Ибо как Господь, сошедший на землю, претерпел много страданий, так и христиане претерпевают много страданий, подвизаясь до смерти против зла ради своего небесного наследия, а оно есть Сам Господь. Ведь славу, богатство, роскошь, сокровище и гордость христиан составляют страсти Христовы.

Тема № 5. О том, что Бог принимает от человека только одну жертву — его свободную волю жить в Господе

Всякий человек бывает смиренным и удобосокрушительным или жестокосердным и бесчувственным не по естеству, но от доброго или злого произволения своего. Добродетельная душа избирается Богом не благодаря делам, но благодаря добродетельной воле, направленной к Нему, и сердцу, страждущему на всякий миг. Подобным образом не отвергает Он грешную душу на основании дел ее, ибо часто делам возбраняется совершиться по разным причинам. Но и без участия воли совершаются многие дела — как хорошие, так и плохие. Бог же смотрит на устремленность воли — на то, в чем она находит удовольствие. И достаточно для Него добродетели души, даже без дел, если нет возможности для совершения дел. Бог благ и милосерден: не в обычае у Него судить слабости естества и дела, совершенные по необходимости, даже если они предосудительны, однако Он осуждает нас, когда добрыми делами, которые мы могли сделать, мы пренебрегли. Ибо милостив Господь наш, и примет Он тебя не за труд твой, но за благое намерение разума твоего. Ни в чем другом не усматривается наше самовластие, как в том, чтобы иметь ум свой всегда возвышаемым и прилепляемым к единому Господу Богу. Уповай на благость Божью и ожидай от Бога заступления, зная, что если обращаемся к Нему как должно и искренне, то Он не только не отринет нас вовсе, но, пока еще произносим слова молитвы, скажет: «Я здесь!» Господь во всех наших делах, как требующих скорости, так и отлагаемых на время, всегда взирает на цель нашу, и потому все, что чуждо пристрастия и всякой нечистоты и делается единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, вменяется нам во благое. Бог сотворил человека свободным, дабы он мог склоняться к благому, но даже склоняясь к нему произволением своим, он не в состоянии бывает совершить благого без помощи Божией. Если бы Бог пожелал судить и требовать отчета, то в человеке не оказалось бы ничего, что было бы лично его, ибо имущество и все сущие в мире блага принадлежат Богу. Кто создал землю и все, что есть на ней? Кто создал человеческое тело? И душу кто сотворил? И если Он пожелает, земля произрастет, а если не пожелает, не произрастет, и если пожелает, ты здравствуешь, а если не пожелает, ты нездоров. Итак, что человек имеет как свое собственное, так чтобы самому себя оправдывать и гордиться собою или считать себя за нечто особое? Все находится во власти Божией, и все, что человек имеет, он принял от Него и все получил по Его милости. Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше, но и что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и делать. Таким образом души, исполняющие меру любви и долга своего, сподобляются Царствия и вечной жизни. Праведен Бог и правы суды Его, и нет у Него лицепрятия, но по мере благодетяний, и телесных и духовных, или ведения, или разумения, или рассудительности, которые Бог различно вложил в отдельную человеческую душу, судя каждого, взыщет Он плодов добродетели и в достойной мере воздаст каждому по делам его. Господь снизошел к роду человеческому с великим человеколюбием и беспредельной благостью, а поэтому Он не попускает никому оставаться праздным в отношении к добродетели или к любому благому делу, но каждому дарует труд по силе собственного произволения человека, великодушно призывая всех каждый день к осуществлению все больших заповедей и добродетелей.

Если нет доброй воли в человеке, Сам Бог ничего не делает для него, хотя и может по свободе Своей. Поэтому возможность принять благодать, дела Духа, зависит от воли человека. Сам Бог говорит: «Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели» (Лк. 13:34). Поэтому должно веровать, что Он Сам собирает нас, от нас же требует только доброй воли. Что же будет обнаружением этой воли, как не труд добровольный? Волю же разумею я не внешнего только касающуюся, того, чтоб не есть, не пить (поста), не делать никакого дела

по своей воле (смирения), но и внутренних движений сердца, именно, чтоб не смотреть страстно ни на что, не осуждать никого внутри сердца, не радоваться ничьему падению, не гневаться в сердце своем, никому не завидовать, не ревновать злою ревностью. В чем же состоит делание самого человека? В том, чтобы умом удалиться из мира, пребывать в молитвах, во бдении, любить Бога и людей, пребывать во всем этом есть собственное его дело. Поэтому-то Божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение, сохраняет ли оно всецелую любовь к Богу, ни в чем не сдружаясь с лукавым. И дело благодати тогда уже оказывается в нем совершенным, когда свободное произволение его по многократном испытании окажется благоугодным Духу и с течением времени покажет он опытность и терпение. Беспредельная и непостижимая премудрость Божия непостижимым и неисследимым образом многообразно совершает раздаяние благодати человеческому роду для испытания свободной воли, чтобы обнаружились любящие Бога всем сердцем и ради Него переносящие всякую опасность и всякий труд. Тогда Господь, видя такое его, человека, произволение и доброе рачение, видя, как принуждает себя к памятованию Господа и как сердце свое, даже против воли его, ведет он непрестанно к добру, к смиренномудрию, к кротости, к любви, и ведет сколько есть у него сил, то есть со всем усилием, — тогда, говорю, Господь творит с ним милость Свою, избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Духом Святым. Тогда уже без усилий и труда во всей истине творит он все заповеди Господни, лучше же сказать, Сам Господь творит в нем заповеди Свои, и он чисто плодопринесит плоды Духа. Ибо в какой мере собираешь ты ум свой к исканию Его, в такой и в еще большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостью Своею прийти к тебе и упокоить тебя. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, назирает, как ищешь Его, от всей ли души твоей, не с леностью ли, не с нерадением ли. И когда увидит рачительность твою в искании Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою и уготовит тебе победу, избавляя тебя от врагов твоих. Ибо, рассмотрев прежде твое стремление к Нему и то, как все чаяние твое непрестанно к Нему обращено, Он научит тебя и даст тебе истинную молитву, истинную любовь, а это — Сам Он, Который соделывается в тебе всем и есть для тебя Христос. Как младенец не умеет сам себе помочь или позаботиться о себе, и смотрит только на мать, и плачет, пока, сжалившись, она не возьмет его, так верные души надеются всегда на единого Господа.

А если ум свой станешь обращать в другую сторону и беседовать с другим, спиною обращаясь к неприступному Богу, на Которого со страхом и трепетом взирают все чины ангельские, то не по всей ли справедливости Он тотчас оставит тебя? Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства дьявола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей уже состоит воле или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, или, уклоняясь от правого этого пути, опять возвратиться к дьяволу, противоборцу и врагу нашему. Собственно своею волею совращается каждый, если действительно не восхотел он получить Царство и отречься от себя и любит еще что-нибудь, услаждается какими-нибудь удовольствиями или пожеланиями века настоящего и не имеет ко Господу всецелой любви.

Тема № 6. Предание себя в волю Божию — путь ко спасению

В каком звании кто призван Господом, в том каждый и оставайся. Честно и по мере сил поступай так, как Господь тебе определил и для чего призвал. Крестьянин ли ты, воин, начальник, монах или священник — делай до конца то, что по долгу положено делать, и не думай более ни о чем. Не зарывай дарованный Им талант в землю, иначе брошен будешь во тьму преисподней. Не разумеют этого люди, хотят жить прихотями своими, а не по совести. Кухарки лезут в начальники, солдаты отказываются воевать и Родину защищать, правители предают отечество, унижая свою власть. Бог дал нам свободу, чтобы мы могли жить, как хотим, потому что мыслящими и разумными нас создал в отличие от животных. И не препятствует Всемогущий нашему произволению, когда в безумии мы отворачиваемся от истинной жизни, теряя свое человеческое лицо, падая ниже бессловесных тварей, становясь хуже упрямых ослов. Господь о каждом из нас промышляет, каждому определяет путь и наставляет на него. Наше же дело — трудиться, делать то, что Он нам определил, терпеливо и безропотно, на чужую судьбу не претендуя. Все, чего ты достоин, Он даст тебе Сам. Никто этого отнять у тебя не сможет. Большинство людей лишь суетятся, пытаясь реализовать свои жизненные планы. Слепотой духовной поражены они из-за своего неверия. А причина неверия — гордость. Благодаря ей воспаляется ум фантазиями. Желает он не Господа, а всяческого самоугодия. Пресмыкается такой ум по земле, как червь. С большой грустью говорю, что неверующий человек, безбожник, хуже животного! Ибо животные не пытаются переходить Богом установленных пределов своей природы. А этот желает быть тем, чем не может по определению Всевышнего. Вот и мучается он неуемной жадой греха, неутолимыми страстями, которые приводят его к депрессии, унынию и отчаянию. И хотя внешне такие люди выглядят весело и бодро, снаружи они самодовольны и напыщенны, сердце их изнывает от неудовлетворенности, ибо невозможно человеческий дух насытить грехом, жизнь — смертью. Господь же долготерпит, ожидая, что мы опомнимся и изменимся по отношению к Нему. Если будешь без ропота делать определенное тебе Всевышним, то научишься истинной любви к Вседержителю. Хочешь смерти — живи в грехе, хочешь жизни — живи с Богом. В этом вся наша свобода. Мы — рабы Господни, что нам велено — делаем тихо, никаких заслуг себе не приписываем. Каждому Бог определяет свою дорогу к спасению. У каждого свои обязанности перед Ним. И грех зарывать дарованный нам талант в землю и не исполнять веленых Творцом дел или, наоборот, пытаться делать то, что не наше, восхищаться непосильное себе на погибель. На каждого человека, без исключения, у Всеведущего свои планы. Смиряться! Идти против рожна бессмысленно, а главное, бесполезно. Живем для Бога и умираем для Бога. Гоняясь же за миражами, лишь губим себя. Дьявол постоянно препятствует нашему спасению, сбивает с толку. С ним нужно мужественно бороться. Если упал — вставать и опять продолжать борьбу, не унывать от своих падений. Наша жизнь, как дорога, состоит из перекрестков и развилочек, и нам нужно делать правильный выбор, как бы нам ни хотелось свернуть с истинного пути. Не обращай внимания на заманчивые перспективы, зовущие сойти с Господней дорожки, это дьявол зовет, искушает. Он имеет только одну цель — погубить. Запомни, самое трудное в жизни — выбрать, когда хочется одного, а нужно делать другое.

Тема № 7. О духовном разуме и духовном рассуждении

Христианин всякое действие, маловажное и важное, должен сопоставлять с волею Божию и вместе хранить мысль о Том, Кто повелел так поступать. А кто в деле своем нарушает точность заповеди, тот, очевидно, слабо помнит о Боге. В чем состоит ложное знание, лжеименный разум? В веровании своему уму, своему разумению, что дело точно таково, как кажется. Ну а кто желает избавиться от этого, пусть не верит ни в чем своему разуму, но вопрошает обо всем своего духовника. Все хотящие познать волю Господню должны прежде умертвить в себе волю собственную и, помолившись Богу, с верою и нелукавою простотою вопрошать отцов и братьев, в смирении сердца и без всякого сомнения в помысле, и принимать советы их, как из уст Божиих, хотя бы они и противны были собственному их разуму и хотя бы вопрошаемые были не весьма духовны. Ибо не неправеден Бог и не попустит, чтобы прельстились те души, которые с верою и незлобием смиренно покорили себя совету и суду ближнего. Не позволяет же тебе отсесть волю свою неверие, а неверие происходит от того, что мы желаем славы человеческой. Отсеки три вещи: свою волю, самооправдание и человекоугодие, и поистине придет к тебе умиление, и Бог оградит тебя от всякого зла. Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию — вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое. Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог неведомо для него, так что человек тот не знает, как то бывает, дарует Свою волю и соделывает ее в сердце его, открывая при этом очи сердца человека, чтоб он познал ее, то есть что это Божия воля, и силу подает исполнять ее. Творит же это благодать Святого Духа, а без нее ничего не бывает. Но тот, кто всецело посвящает себя Богу и прилагает, насколько это возможно для него, собственное усердие и труд — тот воспринимает от Бога благодать, освобождается от страстей и удостаивается достижения горних высот Духа и чистой добродетели. Будем жить по воле Божией и все совершим со святостью, потому что без Святого Духа никто не может знать волю Божию. А когда человек удостоится благодати, тогда ему необходимы большая осмотрительность, знание и рассудительность — что также Бог даст человеку, когда он ищет этого от Бога, — дабы благоугодно Ему служить в Духе, Которого он удостоился принять от Бога, и ни в чем не погрешать по побуждению зла, и не ошибаться по незнанию, и не делать что-либо противное воле Владычней, иначе человек навлечет на себя наказание.

Господь часто промыслительно скрывает от нас волю Свою, ведая, что мы, и познавши ее, преслушались бы и заслужили бы этим большее наказание. Одни совершенные могут всегда распознавать, какое помышление возникает в душе от собственной ее совести, какое происходит от Бога и какое от бесов. Что от благодати, в том есть радость, есть мир, есть любовь, есть истина. Сама истина побуждает человека искать истины. Всякий же вид греха исполнен смятения, в нем нет любви и радости перед Богом. Есть духовное чувство, которое рождается из размышления, оно дает наслаждение, радость и ликование душе. Есть также и другой вид прозрения в Боге, который сам по себе ниспадает на человека. Время от времени, по причине этого прекрасного размышления о любви Божьей и мысли о Божественных предметах, у того, кто занимается этим с любовью, надеясь обрести свой собственный путь служения Богу, рождается внутри духовное видение вещей. Когда немного очищена душа человека в страхе Божьем и трезвении, тогда духовное созерцание само по себе ниспадает время от времени на душу его без всякой заботы с ее стороны. В то время человек тот встречает в разуме своем некое прозрение, и внезапно оказывается разум его без движения, словно в некоем Божественном облаке, которое ошеломляет его и заставляет умолкнуть.

В духовном образе жизни нет ни размышления, ни помысла, ни возбуждения, ни движения. Помыслы приводятся в движение на душевном уровне, а на духовном уровне нет

помысла, там ум поднимается превыше образов мира настоящего и в ином знании пребывает. Знание обычных людей может быть описано и обычным для нас словесным путем, что же касается людей, стяжавших Духа, то их знание не может быть описано даже в образе, в котором ум существует там. Здешнее знание, конечно, предполагает движение помыслов, тогда как тот образ жизни — превыше всех подобных вещей. Именно в таком состоянии будем мы находиться после воскресения из мертвых вместе со святыми ангелами; ангелы же уже сейчас пребывают в нем. Образ жизни человека в Духе Святом есть символ существования после воскресения.

Немощные души узнают от других, что Бог их посещает, совершенные — от присутствия Духа. Не знающий истины не может и веровать истинно, потому что знание естественно предшествует вере. Поэтому душе долженствует посредством рассуждения и при большом усердии и подвиге отделить чистые помыслы, свойственные ей по естеству, от нечистых помыслов, создаваемых в ней назойливым грехом, — так чтобы душа могла породить чистые помыслы. Все просящие чего-нибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получают по какой-либо из следующих причин: или потому, что прежде времени просят, или потому, что просят не по достоинству, а по тщеславию, или потому, что, получивши просимое, возгордились бы и впали бы в нерадение. Кто спрашивает что-либо, тот должен знать, что спрашивает, и ясно то представлять, чтоб, когда получит, возблагодарить Подателя и всегда быть Ему благодарным. Когда не можешь спросить старца, то надо трижды помолиться о всяком деле, и после этого смотреть, куда преклоняется сердце, хотя на волос, так и поступить, ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу. Некоторые из испытующих волю Божию отрешали помысл свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей, то есть к побуждающему на дело и ко внушающему противное, и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжение предназначенных дней представляли Господу, и достигали познания воли Его или тем, что бестелесный Ум таинственно провещевал нечто их уму, или тем, что одно из спорных помышлений совершенно исчезало в душе. Другие по скорби и затруднениям, которые следовали за их начинанием, заключали, что дело их согласно с Божественною волею. Иные, напротив, по неожиданному благопоспешению, которое они получали в своем деле, познавали, что оно благоприятно Богу, помяная слово, что всякому производящему делать благое споспешествует Бог. Кто стяжал в сердце своем Бога и просвещение Его, тот обыкновенно познает волю Божию в том деле, которое хочет делать, трудное ли оно и совершается с замедлением или легкое и исполняется скоро, потому что он не смотрит на затруднения и на долготу времени, препятствующие ему и замедляющие дело, и не оставляет этого дела, но смотрит на помощь и содействие, которые, как он видит, Бог подает ему, и на свое усердие исполнить дело. Ибо и святые апостолы со многими затруднениями и великими искушениями учили людей святому Евангелию и привели их в истинную веру, но они смотрели не на препятствия и долготу времени, а на Божественную силу и великую ниспосылаемую им помощь, которою они победили все противостоящие им препятствия, так что дело их преуспело и утвердилось. И из этого ясно позналась воля Божья, ибо если бы только были одни искушения и препятствия, а не было Божьего содействия, то означало бы это, что на то не было Божьей воли. Сомневаться в суждениях и долго не решаться на избрание чего-либо из двух есть признак непросвещенной свыше и тщеславной души.

Тема № 8. О том, что для спасения нам нужно из всех сил подвизаться в духовных трудах, о добродетелях

Святы будьте, ибо свят Я, Господь, Бог ваш (Лев. 19:2). Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, Который не смотрит на лица и не берет даров (Втор. 10:17–18). Стопы святых Своих Он блюдет, а незаконные во тьме исчезают; ибо не силою крепок человек (1 Цар. 2:9). С праведным поступаешь Ты по правде Твоей и с мужем неповинным — по безвинности его; и с избранным поступаешь, как с избранныком, а с лукавым — по лукавству его (Пс. 17:26–27). Ибо истины требует Господь и грозно карает являющих гордыню (Пс. 30:24). Изрек Бог две истины: что у Бога сила и что у Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздашь каждому по делам его (Пс. 61:12–13). ...Бог — Судия; бойтесь Его; оставьте грехи ваши и навсегда перестаньте делать беззакония, и Бог изведет вас и избавит от всякой скорби (3 Езд. 16:68). Если будете исполнять заповеди и повеления Мои, говорит Господь Бог, то грехи ваши не будут бременем, подавляющим вас, и беззакония ваши не превозмогут вас (3 Езд. 16:77). Погибают многие в этой жизни, потому что не радят о предложенном им законе Божиим. Ибо строго повелел Бог приходящим, когда они пришли, что делая, они будут живы, и что соблюдая, не будут наказаны (3 Езд. 7:20–21). Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть (Прем. 1:15). Бог не хотел погубить человека, но сами сотворенные обеславили имя Того, Кто сотворил их, и были неблагодарны Тому, Кто предуготовил им жизнь (3 Езд. 8:60). Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих (Прем. 1:13). Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему (Сир. 15:17). Не говори: милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих; ибо милосердие и гнев у Него, и на грешниках пребывает ярость Его (Сир. 5:6–7). Он охраняет пути правды и оберегает стезю святых Своих (Притч. 2:8). На пути правды — жизнь, и на стезе ее нет смерти (Притч. 12:28). Ибо Господь есть Бог правды: блаженны все уповающие на Него! (Ис. 30:18). Призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости (1 Фес. 4–7). Испытаем и исследуем пути свои и обратимся к Господу (Плач. 3:40). Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы (Еккл. 7:29). И дал Я им волю следовать желаниям сердец их; да пойдут они путями своими (Пс. 80:13). Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце (1 Цар. 16:7). ...Ибо Господь испытует все сердца и знает все движения мыслей. Если будешь искать Его, то найдешь Его, а если оставишь Его, Он оставит тебя навсегда (1 Пар. 28:9).

В житейских делах не всегда бывает так, чтобы кто не собирает, а сидит бездейственно, уже и расточал, но в делах духовных всегда так бывает. Ибо Писание Божественное того, кто не делает добра, почитает грешником и объявляет, что он осужден будет. Не думай стяжать добродетель, не борючись прежде за нее до крови. Надлежит, по Божественному апостолу, до смерти стоять против греха, подвизаясь, чтоб сохраниться непорочным. Всем нам нужно очищать сердце от греха. Первое, к чему приходит человек, приступая к духовной жизни, — начинает понимать свою немощь в борьбе с ним. Как говорил апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю. А злое, которого не хочу, делаю. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе. Тот же самый я умом служу закону Божьему, а плотью — закону греха». На начальном этапе от нас требуется быть внимательными к своим поступкам. Совесть будет подсказывать, что мы делали плохо. Когда мы исповедуемся и причащаемся, Господь совесть нашу утончает, и мы начинаем видеть в себе все больше и больше скверн. Со временем вы научитесь различать не только свои злые дела, но и греховные мысли и движения сердца. Записывайте и их и тоже исповедуйте отцу духовному. По мере очищения усиливается в нас и брань бесовская. Не щадит дьявол честных подвижников, искушает всеми возможными способами. Здесь вся надежда на Господа. Только Он может помочь, а

может и попустить козни супостата для укрепления нашего духа. Очистив так сердца, дарит Спаситель нам благодать Свою. И тогда делаемся святыми. Дух Его почивает в нас, и мы постигаем премудрость Всевышнего. Все мудрецы мира со своими лжеименными знаниями не стоят одного человека Божьего с чистым сердцем, которым он легко уразумевает то, что не под силу этим гордецам. Вот такой путь духовной жизни. Без матери не рождается сын, и без плотского соития не производится на свет чадо — так и без рождения от Духа Святого не рождается ни один сын Божий, а не будучи сыном Божиим, никто не входит в жизнь вечную. Ибо все водимые Духом Божиим суть сыны Божии (Рим. 8:14). Итак, если мы мертвы и только Он есть вечная жизнь, то прежде, чем соединимся с Ним и жить станем Им, да не говорим, что работаем Господу. Ибо как возможно, чтоб мертвые когда-либо работали кому? Душа наша, грешит ли она или не грешит, без Духа Святого мертва есть и совсем не может жить жизнью вечною. Какие бы добрые дела ни делали мы в настоящей жизни, все они обращаются нам же во благо, а Богу они ничего не дают, и Он никакой в них не имеет нужды. Итак, не думайте, будто творите какое-либо добро для Бога, — для собственного своего спасения это делаете. Кто делает добрые дела, тот должен делать их для того, чтобы обрести милость у Бога, а не для того, чтобы услужить Богу. Все заповеди, которые Христос заповедал апостолам, равно заповедал Он и нам, чтоб мы соблюдали их все до одной. И мы можем их соблюсти, даже находясь в мире, но не хотим, потому что слабоваты в вере и любви ко Христу. Если ты попустишь прийти откуда-либо печали и войти в дом души твоей, тотчас отбежит радость. Если попустишь войти гневу или раздражению, тотчас удалится Тихий и Кроткий. Если попустишь войти ненависти и вражде к кому-либо, тотчас убежит Тот, Кто наименовался и есть самосушая и ипостасная Любовь. Если попустишь приблизиться любопрению или зависти, тотчас незлобивый и благой Бог станет невидим, ибо Он этого терпеть не может. Если заметит, что около сердца твоего ходят лукавство или многохлопотливость с любопытством, а ты не отгоняешь их наискорейше с гневом, а кротко принимаешь эти худости, которые Он ненавидит, то не станет наперед извещать тебя, когда удалится от тебя, Простый, Незлобивый и Непытливый, но тотчас оставит тебя, не дав тебе того заметить.

Все добродетели между собою связаны, как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты. Так и, с противной стороны, худые дела зависят одно от другого: ненависть от раздражительности, раздражительность от гордости, гордость от тщеславия, тщеславие от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от нерадения, нерадение от разлечения, разлечение от уныния, уныние от нетерпеливости, нетерпеливость от сластолюбия, прочие части порока также между собою связаны, как на доброй стороне связаны между собою и одни от других зависят добродетели. Главное же во всяком добром делании, верх заслуг — прилежное пребывание в молитве. Ею, испрашивая у Бога, ежедневно можем приобретать и прочие добродетели. Итак, говорю: если из всего сказанного ты достиг того, что возлюбил врагов своих и многократно плакал о них от сердца, молясь Богу об обращении их и покаянии, то явно, что ты преуспел прежде и во всем прочем, сделался бесстрастным, стяжал сердце, чистое от страстей, и в нем и им узрел Бога бесстрастного.

Тема № 9. Об отречении в сердце своем от мира и всего мирского

Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном суде, кто истинно страшится своего исхода из земной жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о славе мира этого, ни о друзьях, ни о братьях, словом ни о чем земном, но, отложив все мирское, всякое о нем попечение, еще же, и прежде всего, возненавидев саму плоть свою, нагой и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи. Кто благодатью Духа Святого выйдет из мира и сочетается с Богом, не может иметь никакого чувства к миру и вещам мира. А что есть мир — послушай: «Он не серебро, не золото, не яства, не вина, не имущество, не близкие люди. А что же есть? Пристрастия к ним». К чему привязано твое сердце и чем пленен твой ум, то и есть твой бог! В мире имеется много препятствий на пути угождения Богу: нищета и нужда являются препятствием и опасностью для вечной жизни, и богатство в равной мере — препятствие, бесчестие и обида также являются препятствием, славы и чести человеческие также являются препятствиями, в равной мере приводят в искушения болезни и страдания — все это может быть препятствием для человека. Итак, для расслабленного маловерного и по образу мыслей младенца, то есть человека несерьезного и не вдумывающегося в положение вещей, все в мире бывает препятствием для вечной жизни. У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот несвободен, ибо попечение о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он старается или для других. Если же мы имеем похоть плоти, похоть очей и парение помыслов, то как, находясь среди всего этого, избежать нам греха и не подвергнуться уязвлению от стрел его? Душа человека, не будучи связана ничем телесным, никакими пожеланиями своими, ни в одном из своих проявлений не подвержена страху в этом мире, происходящему от боязни житейских превратностей и утрат. Только таким образом ты можешь бороться с различными видами зла, будь то зло внешнее или внутреннее, лукавые силы в душе. И сейчас, в ваше время, много подвижников сохраняют себя неуязвленными грехом, хотя находятся среди людей и дел мирских, среди попечений и житейских забот. Живя среди земных вещей, они имеют супругов, детей, имущество, но ум их находится превыше всего этого. Поэтому, вступив в полосу испытаний и искушений, они не теряют мужества и не скорбят, когда лишаются видимых благ и несут утраты, ибо стяжали великое и истинное состояние — доверие к Богу, они смиренно переносят лишения и не теряют веры в Него, в Его Промысл о них. Братья! Совершенным удалением от мира называется совершенное умерщвление и отсечение своей воли. Никто не может приблизиться к Господу, если не отречется от мира. Видит Господь, что сатана действует через привязанности ваши к миру и принуждает мысли человека к тому, чтобы они опустились до попечений материальных и земных. Поэтому Бог, заботясь о твоей душе, и говорит тебе отречься от всего этого, чтобы ты искал небо и имел в сердце своем Господа. В этом и заключается вера, которая есть непытливое согласие с Его Промыслом о тебе. Ибо мирские помыслы развлекают ум земным и тленным, не позволяют возлюбить Бога или памятовать о Господе. Он говорит, чтобы мы отвергли золото, серебро и родственные узы, продали имущество и раздали бедным и воссокровиществовали блага на небесах, потому что «где сокровище твое — там будет и сердце твое» (см.: Мф. 6:21).

Тема № 10. О чистоте души и сердца

Кто хочет чисто видеть мир, тому надо иметь чистые незамутненные очи тела своего, так и тому, кто берется беседовать о бесстрастии, надо иметь очи души своей освобожденными от всякой злой похоти и всякого помысла страстного. Иоанн Лествичник, учившийся на собственном опыте, говорит: «Бездна горя увидела утешение, а сердечная чистота приняла Свет». Да, принять этот Свет может только сердечная чистота, а все, что люди говорят и узнают о Боге, вместит и нечистое сердце. Ясно, что такой Свет выше слова и знания. Как видимое око, будучи чистым, чисто всегда видит солнце, так и ум, совершенно очистившись, всегда видит славу Света — Христа — и с Господом пребывает день и ночь подобно тому, как тело Господне, соединившись с Божеством, всегда сопребывает с Духом Святым. Но этого не вдруг достигают люди, а тяжелыми трудами, скорбью, великим подвигом. Ибо есть и такие, внутри которых, хотя соприсуща им действующая и упокоевающаяся в них благодать, пребывает и порок, и в одном сердце действены два рода жизни — жизнь света и жизнь тьмы. Сердце — малый сосуд, но там есть змеи, там есть львы, там есть ядоносные звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти, но там также и Бог, там ангелы, там жизнь и Царство, там свет и апостолы, там сокровища благодати, там есть всё. И как сильно дующие ветры приводят в движение всю тварь в целой поднебесной (всякие ураганы, наводнения и прочее на земле) и производят великий шум, так и вражья сила движет и уносит помыслы, колеблет глубины сердца, к своей склоняя воле, и к служению ей рассеивает помыслы. Как бы то ни было, каждый человек, наблюдая свое сердце и следя за внутренними помыслами, должен тщательнейше следить, куда склоняется душа, куда ум и с кем они в общении, с Духом ли Божиим или с духом мира, и к чему они привязаны, и где их любовь, в заповедях ли жизни и в воле Божией, в том ли, чтобы «любить» Его одного «всем сердцем и душою» (см.: Мк. 12:30), по слову Писания, и ни на что другое не оглядываться и ни на чем другом не останавливаться, но только за Его любовь держаться, наслаждаться радостью «утешения», посылаемого «Духом Святым» (см.: Деян. 9:31), — или же на земле, и в веществе, и в преступлении заповедей, и в тленных помышлениях века настоящего заключена, и кружит, и находит свою любовь душа. Чистота, то есть блюдение и охранение ума, коего образом служит Новый Завет, если соблюдается нами как должно, все страсти и всякое зло отсекает от сердца и искореняет из него и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание самих себя и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и Божественное некое сердечное услаждение. Чистота души есть вышеестественное отречение от естества и поистине преславное соревнование, лучше сказать борьба человека с бестелесными духами злобы. Чист тот, кто плотскую любовь отражает любовью Божественною и телесный огонь угашает огнем невещественным.

Чистота сердца, относительно которой отцы увещевают и к которой призывают, означает не то, чтобы человек был совершенно без помысла или мысли и их движения, но означает то, что сердце его должно быть очищено от пороков и что он должен видеть все добрым и по-Божьему думать об этом. Человек может побеждать страсти, но не может их искоренить. Он получил власть не делать зла, но не может не помышлять о нем. Благочестие же настоящее состоит не в том только, чтоб не делать зла, но чтоб и не помышлять о нем. Кто помышляет о зле, в том нет чистоты. Ибо как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью? Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какою-либо страстью, но и не помышляет даже ни о чем худом или мирском и одну память о Боге держит в себе с неудержимою любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в

чистом свете видит Бога. Люди Божии приемлют внутрь сердца своего знамение обрезания, потому что небесный меч (сила благодати) отсекает излишество ума, то есть совершает обрезание греха.

Чем больше преуспевает человек в делании заповедей Божиих, тем более он очищается, осиявается и просвещается и сподобляется видеть откровения великих тайн, которых глубины не видел никогда и совершенно не может видеть никто из тех, кто не захотел прийти в такую чистоту. Когда человек сокровенное свое, то есть ум и помыслы, предает Богу, ничем иным не занимаясь и не развлекаясь, сдерживая себя всеми силами, тогда Господь позволяет ему приступать к таинствам в святости и в гораздо большей чистоте и Себя Самого дает ему в небесную пищу и в духовное питание. Никто из обучившихся хранению чистоты да не вмняет себе приобретение ее, ибо невозможное дело, чтобы кто-нибудь победил свою природу, и где природа побеждена, там познается пришествие Того, Кто выше естества, ибо, без всякого прекословия, меньшее упраздняется большим.

Приходящие и приступающие к Нему чистым образом, то есть всем сердцем, должны быть следующими: хранить тело чистым от страсти блуда, воровства и лжи, от слов бесплодных и пустых, от чревоугодия и всякой алчности и от прочих совершаемых телом грехов — и хранить душу чистой от пустых, нечистых и блудных мыслей и не потворствовать греху. Итак, как необходимо сохранять тело чистым от открытых и видимых грехов, потому что оно — храм Божий, так необходимо сохранять и душу чистой от дурных и нечистых мыслей, для того чтобы добровольно не губить сердце и не грязнить ум. Потому что как тело, имеющее общение с иным телом, растлевается и совершает блуд, так и душа, сокровенно общаясь с дурными силами в своих мыслях, растлевается и соблуждает в невидимых грехах: в неверии, во лжи, в тщеславии, в гневе, в зависти, в ревности, в соперничестве и тому подобном, потому что через это душа общается со злыми духами и этим служит им. Свобода есть власть над помыслами, она не позволяет ни бесам, ни страху или какому-либо беспокойному движению приблизиться к сердцу и омрачить его благодаря той великой уверенности, которую вера дает верующей совести.

Кто стяжал чистое сердце, тот победил всякое страхование. Если мы от сокрушения сердца с преданностью Богу всегда усердно ожидаем от Него любых непредвидимых случаев (бед, страданий, искушений всяких), то мы воистину освободились от боязливости. Пока не разрушит человек веру сердца своего, то есть точное знание о Божественном Промысле, не впадет он в помрачение разума, от которого происходят беспокойство и печаль, наполнена душа его на всякий миг светом и радостью, и ликует душа его непрестанно. И словно на небе живет человек в озарении помыслов своих, которые вера сердца его дает ему, и с того времени удостаивается он также откровения прозрений. Когда же усомнится человек в Промысле Божиим о нем, тогда тотчас же впадает он в множество беспокойств. Тот, кто твердо верует, что перст Бога управляет всем творением Его, ничем не бывает обеспокоен. Совершенно очистившийся от страстей видит даже душу ближнего, хотя не само существо ее, но в каком она находится устроении и каковы ее расположения и чувствования.

Тема № 11. О страхе Божиим

Что такое страх Господень? Человеческой природе, чтобы хранить пределы послушания Богу, потребен страх. Страх к Богу возбуждает в человеке любовь к деланию добродетелей, а через это познаются пути Господни. Духовное ведение по природе своей позднее делания добродетелей, но тому и другому предшествует страх и любовь к Богу. И опять же любви предшествует страх Божий. Кто сделался рабом Господа, тот боится своего Владыки. Надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось перед очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. В таком случае всегда страх Господень будет, и любовь станет возрастать к Богу. Пока не пренебрежет кто страхом Божиим, не согрешит он. Хочешь ли не грешить? Храни страх Божий. Кто боится Бога, тот выше всякого страха, он устранил от себя и далеко оставил за собою все ужасы века настоящего. Ни перед ужасами мира, ни перед страхованиями лукавого не приходит в страх и трепет тот, кто боится Бога. Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных козней, равно как и угроз злых людей. Имея внутри себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, человек силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Кто стяжал страх Божий, тот устранился лжи, имея в себе неподкупного судью — свою совесть.

Начало мудрости — страх пред Господом; всем, кто живет в нем, разум светлый дарован (Пс. 110:10). Страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла — разум (Иов. 28:28). Всякая мудрость — страх Господень, и во всякой мудрости — исполнение закона (Сир. 19:18). Нет ничего лучше страха Господня, и нет ничего сладостнее, чем внимать заповедям Господним (Сир. 21:7). Выслушай сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо (Еккл. 12:13). Велика премудрость Господа, крепок Он могуществом и видит все. Очи Его на боящихся Его, и Он знает всякое дело человека. Никому не заповедал Он поступать нечестиво и никому не дал позволения грешить (Сир. 15:18–20). Воистину близится спасение к боящимся Бога (Пс. 84:10). Как высоко небо над землей, так велика милость Господа к боящимся Его (Пс. 102:11). Благоволит Господь к боящимся Его и уповающим на милость Его (Пс. 146:11). Боящиеся Господа, ожидайте милости Его и не уклоняйтесь от Него, чтобы не упасть (Сир. 2:7). Посему ходи путем добрым, держись стезей праведников (Притч. 2:20). Страх Господень — ненавидеть зло, гордость и высокомерие (Притч. 8:13). Страх Господень отгоняет грехи; не имеющий же страха не может оправдаться (Сир. 1:21). Страх Господень — источник жизни, удаляющий от сетей смерти (Притч. 14:27). Боящийся Господа образумится сердцем (Сир. 19:18). Уповайте на Господа вовек, ибо Господь Бог есть твердыня вечная (Ис. 26:4). Господь Бог — сила моя (Авв. 3:19). Сын мой! Чти Господа, — и укрепишься, и кроме Его не бойся никого (Притч. 7:1). Что ты боишься человека, который умирает, и сына человеческого, который то же, что трава, и забываешь Господа, Творца своего, распростершего небеса и основавшего землю (Ис. 51:12–13)? Проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорою, и которого сердце удаляется от Господа (Иер. 17:5). Всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал (1 Пет. 1:24). Благословен человек, который надеется на Господа и которого упование — Господь (Иер. 17:7). Блажен муж, который уповает на имя Господне и не взирает на суету и треволения ложные (Пс. 39:5). Страх Господень — дар от Господа и поставляет на стезях любви (Сир. 1:13).

Тема № 12. О вере

Кто хочет приступить ко Господу, сподобиться вечной жизни, соделаться обителем Христовою, исполниться Духа Святого, чтобы прийти в состояние приносить плоды Духа, чисто и неукоризненно исполнять заповеди Христовы, тот должен начать с того, чтобы прежде всего крепко уверовать в Господа и всецело предать себя Ему, во всем отречься от мира, чтобы ум его не был занят ничем из видимого. И надлежит тогда непрестанно пребывать в молитве, с верою в Господа, всегда ожидая Его посещения и помощи, это одно всякую минуту необходимо иметь в уме своем. Потом, по причине живущего в человеке греха, надлежит понуждать себя на всякое доброе дело. Благодать Всесвятого Духа приходит в каждого верующего во Христа не за добрые дела, какие он делал прежде (если бы приходила за добрые дела, то это была бы не благодать, а уплата за дела), но приходит она от Бога за веру, приходит прежде всяких добрых дел, и уже на ней, как на твердом основании, выстраиваются добрые дела, которые только при помощи благодати и являются совершенными, так что дела, которые бывают без благодати Всесвятого Духа, Бог ни во что не вменяет. Вера дает силу творить добрые и богоугодные дела по воле Божией. Ведение, какое Он дает нам, верующим в Него, дает Он нам ради веры нашей, чтоб знание подтверждало веру, которая бывает без знания, и таким образом посредством знания утверждался в вере всякий человек, оглашенный словом, и убеждался, что есть Бог, в Которого уверовал он по одному словесному учению. Только нельзя веровать с раздумыванием и двоедушием. Что это за раздумывание и двоедушие? Внимай и познаешь. Раздумывание есть, когда кто помышляет в уме своем и говорит внутри сам себе: простит ли меня Бог или нет? Это «или нет» есть признак неверия. Двоедушие есть, когда кто не всецело предает себя на подвижнический труд для стяжания Царства Небесного, но все еще имеет попечение о теле своем или о чем-то житейском. Вера есть непытливое согласие.

Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге (Кол. 3:1–3). Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними (Откр. 14:13). Мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2 Пет. 3:13). Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего (Рим. 8:28–29). А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил (Рим. 8:30). Он говорит Моисею: «Кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалю». Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (Рим. 9:15–16). Кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает (Рим. 9:18). Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился (Еф. 2:8–9). Если по делам, то это уже не благодать (Рим. 11:6). Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя (Евр. 10:38). Вера — от слышания, а слышание — от слова Божия (Рим. 10:17). Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11:1). Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению (Рим. 10:9–10). Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия (Ин. 3:18).

Тема № 13. О Божественной любви, о любви к Богу

Правило, что «начало мудрости — страх Господень» (Пс. 110:10; Притч. 1:7), есть как бы первая только пелена, мудрость же, преодолевающая страх, перешедшая в любовь, делает нас Божьими друзьями и из рабов сынами. Эта любовь — глава всех добродетелей — есть Христос и Бог наш, Который для того сошел на землю, соделался человеком, восприняв на Себя и нашу земную плоть, чтоб сделать нас причастными Своего Божества, чтоб преподать нам все дары Святого Духа, сделать нас духовными и нетленными и возвести на небеса. Из этого явствует, что если кто не возлюбит Бога от всей души и не покажет любви этой отвержением себя и всего мира, то не сподобится увидеть Его таинственно через откровение Духа Святого. Но кто удостоился вкушения Божественной любви, тот из-за сладости ее обычно забывает все — ведь от этого вкуса все видимые предметы кажутся презренными, душа его с радостью приближается к просветленной любви к людям, не делая различия между ними, и человек тот никогда не побеждается и не смущается их слабостями. Кто сподобился такой любви, тот всех любит и почитает их, как Христа, не презирает никого из тех, которые кажутся нам низкими и ничтожными, и другого никого не ненавидит, не поносит, не осуждает. Благодать тайно производит в сердцах любовь свою и горечь превращает в сладость, а жестокосердие — в мягкосердие. Никогда человек, не удостоившись прежде усладительной и опьяняющей любви к Богу, не бывает способен приблизиться к просветленной любви к людям. Божественная же любовь происходит отнюдь не от душевного подвижничества и не от естественного движения души в служении добродетели, ибо к этому уровню подвижничества относится страх, ощутить Божественную любовь, находясь на этом уровне, совершенно невозможно. Божественная любовь принадлежит к духовному образу жизни. Когда ум, восприняв силу благодати Божией, посвящает себя целиком памятованию о Боге и любви Божией, это становится поражением и смертью лукавого. И следствием памятования о Боге и любви Божией всегда является чистая любовь ко всем людям. Равным образом из этой любви рождаются истинная простота, кротость, смирение, непорочность, доброта, молитва и все последующие святые заповеди, которые осуществляются в своей подлинной полноте лишь посредством единой, единственной и первой заповеди — заповеди любви к Богу. Кто имеет такую любовь, тот не может падать. Сказываю же тебе, что видел я людей, имевших все дарования и соделавшихся причастниками Духа, и, не достигнув совершенной любви, они падали. А кто достиг этой любви, связан и упоен ею, тот погружен и отведен пленником в иной мир, как бы не чувствуя собственной своей природы.

Любовь эта не дала мне обратиться опять к миру, но я радовался как совсем исторгшийся из уз плоти и, однако ж, все же пребывающий целым человеком. Мне даваемо было удостоверение, что прощены все грехи мои, и опять я видел себя самого грешнейшим из всех людей. Не мог я не верить Тому, Кто говорил мне, и опять боялся Ему верить, чтоб не впасть в превозношение. Радуюсь, что Христос, в Которого я уверовал, даровал мне Царство вечное и непоколебимое, и опять, как недостойный благ этих, плачу и никогда не перестану плакать. Не смею отверсть уст своих, чтоб просить отпущения грехов моих, — и опять, движимый любовью, воодушевляюсь и приемлю дерзновение молить Бога за других братьев и (говорю в безумии) услышан бываю. Когда бываю в чувстве ниже всех, тогда возношусь превыше небес и любовью опять соединяюсь с Иисусом Христом. Но я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь не стяжал любви к Богу. Стремясь же ненасытно любить, насколько хочу, дивное дело, я теряю даже и ту любовь к Богу, какую имел. Так как я не люблю, как хочу и насколько хочу, то и думаю, что я насколько даже не люблю. Итак, любить, насколько мне хочется, есть любовь превыше любви, и я понуждаю свою природу

(естество) любить превыше естества. Но слабая природа моя лишается даже и той силы, какую имела, и живая любовь дивным образом умирает. Ибо тогда, напротив, она оживает во мне и расцветает. А как она расцветает, я не нахожу примеров, чтобы изъяснить тебе. Одно только скажу тебе, что всякий бессилен выразить это словами.

Что возлюбил человек в мире, то и обременяет ум его, овладевает им и не позволяет ему собраться с силами. От этого зависит и равновесие, и склонение, и перевес порока, этим испытывается весь род человеческий, потому что человек, уловляемый собственною своею волею, начинает любить что-нибудь, и любовь его тогда связывается этим чем-нибудь и не всецело уже устремлена к Богу. Чем привязан кто к миру, малым ли или великим, то и удерживает его и не позволяет ему собраться с силами. С какою страстью человек не борется мужественно, ту он любит, и она обладает им, и обременяет его, и делается для него оковами и препятствием уму его обратиться к Богу, благоугодить Ему и, послужив Ему единому, соделаться благопотребным для Царствия и получить вечную жизнь. А душа, действительно стремящаяся к Господу, вся и всецело к Нему простирает любовь свою и, сколько есть сил, к Нему единому прилепляется своим произволением, и в этом приобретает помощь благодати, отрицается сама себя и не следует хотениям ума своего, потому что по причине неотлучного с нами и обольщающего нас зла ходит ум наш лукаво. Душа, всецело посвящающая себя слову Господа, отрешается от всяких видимых уз и совершенно предается Господу. А в таком случае в состоянии будет она перенести борьбу, труды и скорби. Ибо что любит душа, в том находит для себя и пособие и обременение. Если любит что в мире, то это делается для человека бременем и узами, влекущими к земному и не позволяющими восходить к Богу. А если душа любит Господа и Его заповеди, то в этом находит для себя и пособие, и облегчение: оттого что всецело хранит любовь свою ко Господу, легкими делаются для нее все заповеди Господни. Это погружает человека в добро, лучше же сказать, облегчает и делает для него нетрудными всякую брань и всякую скорбь, Божьей силою низлагает он мир и силы порока, которые томили его душу в этом мире и в пучине мира опутывали его душу сетями всякого рода пожеланий. Таким образом, как скоро душа возлюбила Господа, исхищается из этих сетей собственною своею верою, жаждою и стремлением, и помощью свыше сподобляется вечного Царства и, действительно возжелав это Царство, по собственной своей воле и при помощи Господней не лишается уже вечной жизни. И тогда станет легким и доступным нам все повеление Божие о заповедях, поскольку любовь к Богу облегчает заповеди, а трудность осуществления их ослабляется хранением этой любви.

Во всю жизнь люби Господа и взывай к Нему о спасении твоём (Сир. 13:18). Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиною (1 Ин. 3:18). Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его (2 Ин. 1:6). Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам (Ин. 14:21). Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4:16). «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» — сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф. 22:37–40). И не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей (1 Ин. 2:15).

Тема № 14. О том, что необходимо всегда помнить Господа, о трезвении

Если кто не приготовит себя к самому строгому трезвению и не будет со всем вниманием постоянно исследовать свой ум, желанием своим всегда устремляясь к Господу, то зло тайно и многообразным образом может соблазнить и обмануть его. Ведь желающий стать истинным христианином должен стяжать труд и борьбу не плотские, но вести брань в уме с помыслами. Желающий всегда избегать помыслов лукавого и избавляться от них должен обрести приют и убежище в Господе, постоянно помнить о Боге и доверять Ему. Лишь таким образом сможет он бороться с различными видами зла, теснящими со всех сторон человека, будь то зло внешнего мира или лукавые силы внутри души, так он сможет освободиться от всякой дурной привычки и всякого предрасположения ко злу. Бог ни в чем нашем не имеет нужды, а мы имеем нужду во всем Его. Благодарение наше Ему ничего не дает, а нас делает более своими Ему. Надобно «всяким хранением блюсти свое сердце» (Притч. 4:23), чтобы никак не терять мысли о Боге и не оскверняться представлениями суетного мира, но святую мысль о Боге постоянным и чистым памятованием в душах наших всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая возбуждает к исполнению заповедей Господних и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывною и непоколебимою. Ибо в душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение, угодное Богу, и помысл благой. Мысль о Боге сама является молитвой, а разум, в котором мысли о Нем постоянно вращаются, неизменно пребывает в молитве и ни на миг не остается праздным. А если служим чувствам плоти нашей, сердце утрачивает в себе улаждение Богом. Внутренняя созерцательность обуздывает в нас силу чувственного вождения и не позволяет мысли стремиться в иное место. Ибо любовь к чему бы то ни было одному не позволяет с такой же силой стремиться к другим удовольствиям. Это тайное брение, постоянное размышление о Господе и ночью и днем, должны мы иметь для осуществления Его заповедей, этим должны заниматься и когда молимся, и когда служим, и когда едим, и когда пьем, и когда делаем что-либо, чтобы всякое благое дело добродетели совершалось нами во славу Божию, а не ради собственной славы. Итак, душа, которая постоянно занята восхвалением Бога, выполняет свое предназначение. По этой причине и привел Он тварь в бытие, а именно — для того, чтобы она познавала Его и восхваляла Его и чтобы благодаря этому возвышалась она до наслаждения вечной славой Того, Кто неописуем для всех и непостижим. Трезвение есть духовное художество, которое, если постоянно и усердно проходить, конечно с Божьей помощью, избавляет человека от страстных помыслов и слов и от худых дел, дарует тому, кто его проходит, твердое разумение Бога непостижимого, сколько может вместить душа его, и сокровенно приоткрывает Божественные тайны. Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией, оно называется также сердечным безмолвием и означает хранение ума, дошедшего до совершенства немечтательности. Необходимо ежедневно противодействовать веществу многих и обильных помыслов зла, принуждая ум всегда устремляться в любовном влечении к Господу, а от Господа взамен получать ощущение благодати. Все эти делания, возлюбленный, подобно привратникам, возбраняют вход худым помышлениям.

Большинство людей, желающих угодить Богу, по недостатку истинного ведения утруждаются только лишь телом. Но человеку Божиему следует подвизаться и мыслью, и помыслами, и внутренним сокрытым произволением. Это и есть истинная борьба души перед лицом Божиим с незримыми помыслами, внушаемыми лукавыми силами. Ибо апостол говорит: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы... духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12). Эти духи злобы, незримые и нетелесные, торжествуют над вещами зримыми так же, как душа, незримая и нетелесная,

торжествует над дебелистью тела. Поэтому и должны существовать незримое и нетелесное брение и подвиг во внутреннем человеке. Когда ты вознесешь ум свой и помыслы свои к небу и пожелаешь прилепиться ко Господу, тогда сатана будет низложен. И как стены в Иерихоне разрушены Божией силою, так и ныне стены порока, преграждающие путь уму твоему, сатанинские преграды, и сами враги твои истребятся Божией силой. Тот, у кого память постоянно связана с Господом посредством духовного чтения и молитвы, кто через это обуздывает ум свой, дабы не блуждал среди страстей, а также наслаждается собеседованием с Богом, — такой человек преуспел во всех добродетелях и достиг всецелого совершенства без какого-либо недостатка. Поэтому блаженны те, кто удостоился этого, ибо, соединившись с Господом в мысли сердечной и полноте ума, благодаря постоянной памяти о Нем удостоились они избежать собеседования и разговора со страстями, возжелав одного лишь собеседования с Богом.

Есть много путей для этого собеседования с Богом в безмолвии, и каждый человек, насколько сознательно приближается к Нему, настолько же избирает путь, соответствующий мере своей. И не всякий путь благоуспешен для всякого человека, но каждому человеку по мере внутреннего возрастания его в подвижничестве совесть показывает свой путь — даже без наставления со стороны кого-либо другого, по благодати, которая пробуждает в нем свидетельство изнутри, она наставляет его и показывает ему сокровенным образом путь его. Он, Господь, сопутствует им в свободе их во всем служении их. Делания жительствующих по Богу бывают следующие. Один с постоянным и продолжительным коленопреклонением соединяет число молитв. Другой множеством покаянных слез своих заменяет для себя Божьи службы и довольствуется тем. Иной, ревностно изучая псалмы, делает службу свою непрерывною. Иной проводит время в духовном чтении, и согревается сердце его. Все люди в меньшей или большей степени участвуют во всех подвижнических трудах, однако же каждый человек занимается и особенно пользуется одним из этих трудов в соответствии с тем служением, через исполнение которого — больше, чем через что-либо другое, — он, как ему кажется, наиболее приближается к просветленности помыслов и озарению мышления. Избери, человек, один из этих путей, соответствующий мере твоей и знанию твоему. Иди по нему и не смотри ни на кого, но отврати всякое зрение твое от мира, людей и дел человеческих. Покажи, что мысль твоя всецело направлена к одному Богу, и иди по пути, который ведет к Нему. Насколько можешь, пребывай в непрестанной памяти о Нем, и путь твой будет легким и непреткновенным, пока будешь непрестанно умолять Его. Но исходный пункт и начало пути для всех одинаковы. Каждый человек знает это благодаря единым внешним формам подвижничества, принятым в Церкви, — это труд псалмопения вместе с явным и видимым постничеством и коленопреклонением, это чтение Святого Писания, хотя значение того, что человек читает, не может он воспринять или полностью уразуметь, даже если он весьма ученый и искусный в обычном чтении и в изящной словесности. Нет такого чтения, которое совершалось бы с духовной целью и при этом лишено было источника молитвы, ибо поистине человек тот бывает опьянен тайнами, которые он встречает, и глубокие молитвы чудным образом и неожиданно возбуждаются в нем без подготовки или усилия воли с его стороны. Таким образом, как сказал я выше, на начальном этапе есть только один путь и одно начало для всех. Впоследствии же, когда вступит человек на широкий и долгий путь подвижничества, тогда начинают разделяться все эти пути и дороги.

Тема № 15. О брани с бесами и страстями

Зла и страстей по естеству нет в человеке, ибо Бог не творец страстей. Всякая разумная природа хотя стремится к Богу как к первопричине, однако же не может постигнуть ее, пускается в новое плавание, чтоб обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом. И это — одно из ухищрений лукавого, который само добро обратил во зло. Он, чтобы привлечь людей под власть свою, воспользовался их неверно направленным стремлением найти Бога. Божье достояние расхищают и грабят демоны, и никто о том не поболзнет и не поскорбит. Лукавый входит в нас и приводит в расстройство и сердце и ум, оттого каждый пораженный грехом, против воли своей, идет в мир и блуждает там. Ибо, однажды добровольно преступив закон Божий и приняв лукавого, мы предоставили тому вход, сами себя продав греху. Поэтому тело наше легко влечется к нему через телесную похоть и склонность, и движение, и неразумную часть души. Враг во всем строит козни, чтобы явно и тайно нападать извне и уловлять изнутри. Никто не избежит его злобы, если не имеет всегдашним помощником себе Христа. Нет человека, на которого враг перестал бы нападать. Сатана немилосерд и человеконенавистен, поэтому не ленится нападать на всякого человека. Но не думай, что дьявол имеет власть над нами: причина греха заключается в нашей свободной воле, а не в принуждении от получившего будто над нами власть лукавого, человек как не принуждается ко спасению, так и ко греху. Властью ли своею прельстил дьявол Еву или советом? Нигде не видно его власти, иначе никто не мог бы избежать греха, когда бы он власть имел. Огонь от нас исходит, дьявол дует лишь. Вся забота сатаны заключается в том, чтобы убедить человека, что Бог не заботится о нем. Именно этот помысл сатана стремится похитить у нас. Ибо вся брань, какую поднимают против нас демоны, на то и бывает, чтоб удалить от нас благодать Святого Духа. Без Святого Духа никто не может ни греха избежать, ни исполнять заповедей Божьих, ни отражать власть и силу, какую возымели над нами демоны. Как никто не смеет приблизиться к тому, кто беседует с царем земным, и пресечь беседу, которую он ведет, так и демоны не дерзают приблизиться к тому, кто с Богом беседует. Вся усердная брань супротивника направлена только на то, чтобы отвлечь ум от памятования о Боге, от страха Божия и любви к Господу. Поэтому он использует всяческие земные обольщения, чтобы увести человека от подлинного блага к тому, что лишь кажется им. Ибо все, что бы ни сделал доброго человек, лукавый желает осквернить и испачкать, стремясь примешать к заповеди посеянное позже семя тщеславия, самомнения, ропота или чего-нибудь подобного. Вследствие этого каждый христианин должен обладать многим ведением и способностью духовного различения, чтобы быть в силах распознать уловки и хитрости лукавого, целиком отстранившись от зла.

Каждому из нас надлежит знать Бога, самого себя и демонов. Триema образами грешат люди: умом, словом и делом. Первый грех, грех умом, есть причина и всех тех грехов, в каких грешат словом и делом, ибо не ум заканчивает грех, а слово и дело заканчивают, что изобретает ум. Итак, из этих трех чему прежде и более всего необходимо быть уврачевану Христом? Очевидно, первому, то есть уму. Душе нужно прежде всего проводить разделение в своих мыслях и посредством рассуждения отделять себя от общения с грехом. Потому что только тогда поистине она силою Духа возмoжет отмежевать себя от злых духов, которые являются источником нечистых помыслов. В ее силах противоречить им, сопротивляться и не соглашаться с ними. Так или иначе, всем случается против желания своей воли исполнять скрытно рассеваемые в нас внушения, притом большинство людей не знают, откуда сеются внушения, предполагая, что просто в некоем природном состоянии по привычке из сердца исходят эти помышления. Люди не знают, что делают это, побуждаемые чуждою некою силою, напротив того, думают, что это естественно и что делают по собственному своему

рассуждению. Но имеющие мир Христов и озарение Христово знают, откуда воздвигается все это. Мы терпим нападение от врагов, без сомнения, и сами сильно с ними боремся, а кто этой брани не чувствует, тот оказывается в дружбе со врагами. Эта брань непрерывна, и воинам Христовым необходимо всегда носить в себе оружия свои. Нет возможности поиметь покой от этой брани ни днем, ни ночью, ни на одну минуту, но и когда едим, и когда пьем, и когда спим или другое что делаем, то можем находиться в самом жару брани. Враги наши бесплотны и всегда стоят против нас, хотя мы их не видим, стоят и со всею зоркостью присматриваются, не окажется ли где какой-либо член наш обнаженным, чтоб вонзить в него свои стрелы и умертвить нас. Нельзя также убежать куда-либо и избавиться от брани или одному взять на себя борьбу за другого, но всякому вообще человеку самому необходимо вести эту брань и — или победить и живу быть, или быть побежденным и умереть без всякого сомнения. Рана же смертоносная тут есть всякий грех, не оплаканный в покаянии и не исповеданный, и особенно отчаяние, если кто впадет в него. Дьявол, зная, что исповедание греха есть избавление от греха, склоняет душу к бесстыдному упорству. Но ты, возлюбленный, когда согрешишь, говори: я согрешил. Таким образом и Бога умилиставишь, и себя сделаешь медленнейшим на грехи. Мера подвига твоего заключается в том, чтобы тебе не прелюбодействовать в мыслях, но противостоять умом и внутренне вести брань, бороться с пороком и не слушаться его, не соулаживаться им в помыслах. Самое главное оружие борца и подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце, сотворил он брань с сатаною, возненавидел себя самого, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее, противился привычным своим пожеланиям, препирался с помыслами, боролся с самим собою. Мудрые, когда восстают страсти, не слушаются их, а изъявляют гнев на злые пожелания и делают врагами самим себе, потому-то сатана весьма желает покоя и простора в душе и скорбит и стесняется, когда душа не слушается. Демоны, когда хотят напасть на человека, сподобившегося даров Духа, пополяются и истребляются Божественною огненною силою, только бы сам человек был всегда прилеплен ко Господу и на Него возлагал упование и надежду. И если демоны крепки даже как твердые горы, то пожигаются молитвою, как воск — огнем.

Постарайся быть сколько можно больше смиренномудрым и мужественным, и вражеское покушение демонов не коснется души твоей, и бич их не приблизится к телу твоему. «Ангелам своим заповедал о тебе Господь сохранять тебя» (см.: Пс. 90:10–11), и они незримо отразят от тебя всякое вражеское действие. Приготовься, как опытный борец, не колебаться, хотя бы внезапно увидел ты какое привидение, не смущаться, хотя бы обращен был на тебя меч или огонь устремлен тебе в лицо, надо не падать духом, не робеть, хотя бы представился тебе образ безобразный и кровавый. Стой тогда, исповедуя доброе исповедание, и смело зри на врагов своих. Непрестанное призывание имени Божьего, то есть молитва, вот в чем твое спасение.

Кто не удаляется добровольно от причин страстей, тот невольно увлекается в грех. От тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай, как от бича, ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем. Всеми силами будем убежать, чтобы не видеть, не слышать о том плоде, которого мы обещались никогда не вкушать. Не смотри на явное, тем более бойся тайного. Скорей! Воспользуемся бегством, так Бог повелевает.

Тема № 16. О борьбе с помыслами

Движение помыслов бывает в человеке от четырех причин: во-первых, от естественной плотской воли (естественных потребностей), во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о которых человек слышит и какие видит, в-третьих, от предвзятых понятий (заблуждений) и душевной склонности (старых привычек), в-четвертых, от приражения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, возбуждающиеся по указанным прежде трем причинам. Пока не очистилось сердце, добрые помышления в уме непрочны. Как только появится в сердце сочувствие к чему-либо страстному, тотчас и в уме начнут тесниться мысли недобрые. Потому всякому человеку надлежит всегда сохранять чувства свои свободными от греховного пристрастия и ум от приражений бесовских. Есть два способа, которыми непристойные мысли вытесняют помыслы добрые: бывает это или потому, что душа по собственному нерадению начинает блуждать мыслями около того, что непристойно, от одних мечтаний переходя к другим, более бессмысленным, или это бывает по навету дьявола, когда он успеваеет представить уму предметы неуместные и отвести его от созерцания и внимательного рассмотрения предметов похвальных. Некоторые святые отцы говорят, что страсти входят в тело от помыслов и желаний сердца, а другие, напротив, утверждают, что худые помыслы рождаются от чувств телесных. И действительно, некоторые из страстей, родившись в душе, переходят в тело, а некоторые наоборот. Когда ум не обуздывает и не вяжет чувств, тогда глаза всюду разбегаются из любопытства, уши любят слушать суетное, обоняние изнеживается, уста становятся неудержимыми и руки простираются осязать то, что не должно, то за этим последуют вместо правды неправда, вместо мудрости — неразумие, вместо целомудрия — блудничество, вместо мужества — боязливость. От чего душа побеждается помыслами? От того, что не противится им, но позволяет им входить, и они, находя там себе пищу, понемногу расстраивают душу. Отнюдь не должно удерживать в себе привходящие в нас страстные помыслы, но тотчас надобно отражать их, как струю заразительного воздуха и жало смерти. Один способ трезвения есть — смотреть за мечтанием, ибо без мечтания сатана не может строить греховных помыслов. Душа наша, будучи проста и блага, ибо такую создана от благого Владыки своего, находя приятными представившиеся в воображении прилоги дьявола и обольщаясь ими, подбегает, будто к доброму, к тому, что худо, и смешивает свои помыслы с тем, что внес в воображение демонский прилог, что запрещено заповедями Христовыми. Затем, дошедши до вожделения, она замышляет уже, как бы ухитриться и в дело привести то, что внушил бес, и наконец, сложившись с помыслом тем внутри и склонившись на грех, душа приводит в дело посредством тела своего вообразившееся ей, сформировавшееся и созревшее в мысли беззаконие на осуждение себе. Такова хитрость лукавого, и такими-то стрелами уязвляет он, наполняя и убивая своим ядом всякую душу. Поэтому не безопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, особенно вначале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соулаживается ими и охотно устремляется вслед их, но должно, как только они явятся, тотчас, в самый момент прихождения их и приражения, отсекают их, противиться им. Человеку надобно все внимание свое обращать на помыслы, и что от лукавого, то отсекают, устремляясь мыслью к Богу, и хотения греховных помыслов не исполнять.

Мысленное воображение какой-либо греховной, Богу ненавистой вещи святые отцы называют прилогом, приходящим в ум и сердце от дьявола, за которым тотчас следуют наши мысли и страстно с ним разглагольствуют. Прилог есть простое слово или образ какого-нибудь предмета, вновь являющийся уму и вносимый в сердце, а сочетание с ним есть собеседование с этим явившимся образом, по страсти или бесстрастно. Сосложение же есть

согласие души с представившимся помыслом, соединенное с услаждением. Есть насильственное пленение и невольное увлечение сердца, а есть добровольное продолжительное мысленное совокупление с предметом, разоряющее наше доброе устройство. Борьбою называют равенство сил борющегося и боримого в брани, где последний произвольно или побеждает, или бывает побежденным. Страстью называют уже сам порок, от долгого времени вгнездившийся в душе и через навык сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою к нему стремится. Страсть, без сомнения, подлежит соразмерному покаянию, одержимому ею требуется большое усилие воли, подвижнический труд и горькие слезы раскаяния, или она станет причиной его будущих вечных мук. Но кто бесовский прилог в мысли отсекает, тот одним разом отсекает все последующее. Если ум, трезвенствуя, внимает себе и посредством прекословия и молитвы, призвания Господа Иисуса прогоняет прилог с самого его появления, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Душу, не огражденную молитвами, дьявол легко берет в свою власть и наполняет ее всякими грехами. Около же тех, которые прилежат молитве, он не имеет никакого успеха. Поэтому, если и во время самих молитв враг будет влагать лукавые мечтания, душа да не перестает молиться и да не считает собственными своими произражениями эти лукавые всеяния врага, эти фантазии неистощимого в кознях злодея, но, рассудив, что появление непотребных мыслей бывает в нас от усердного изобретателя лукавства дьявола, тем усиленнее да припадает к Богу и да молит Его развеять лукавое наваждение.

Не может ум победить демонское мечтание сам собою. Кто может воссоединить рассеянные умствования и восстановить твердый и благой помысел? Если только через веру сила благодати и небесный духовный огонь своим испытанием не восстановят ум и душу в целомудрии, сделав угодными Небесному Отцу, так чтобы они могли стать достойными Царства Небесного. Конечно, только Сам Господь по Своей доброте и благоволению может собрать рассеянные в мире помышления души в один обращенный ввысь боговдохновенный помысел. Когда ум человека благодатью Божьею воспаряет к Тому, Кто дает молитву молящемуся, будучи Им вдохновляем, не заботится тогда тот человек уже, какие следовало бы ему произносить слова в молитве своей: молитва идет у него тогда из сердца, без слов, изливаясь в пламенных чувствах благоговения, преданности и любви. И тогда ум, пребывая в тишине, удобно одерживает верх в мысленной брани. Всякий помысел, намерение что-либо сделать, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостью, все же вражеское бывает со смущением и мятежом. Мы не должны умалчивать о своих помыслах, ибо скрывающий свои помыслы пребывает неизцеленным, а исцеляемся мы от них только частыми вопрошениями о них отцов духовных. Просвещеннейшие и рассудительнейшие из отцов приметили еще один помысел бесовской, который утонченнее всех вышепоказанных. Его называют набегом мысли, и он проходит в душу столь быстро, что без времени, без слова и образа мгновенно порождает следующую за ним страстность. В брани с духами злобы ни одного нет быстрее и неприметнее его. Он одним тонким воспоминанием, без сочетания, без продолжения времени, неизъяснимым, а в некоторых случаях даже неведомым образом, вдруг является своим присутствием в душе. Поэтому постоянно обращай к Богу душу и мысль свою всецело посвяти силе Христовой, как бы успокаиваясь от всяких слов и дел в пристанище Божественного света Спасителя.

Тема № 17. Об истинной молитве

Помыслы в сердце человека — глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их (Притч. 20:5). Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе (Флп. 4:6–7). Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него (Мф. 6:8). Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6:6). Посему говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам (Мк. 11:24). Много может усиленная молитва праведного (Иак. 5:16). Очи Господни обращены к праведным, и слух Его — к молитве их (Пс. 33:16). Возлюбленные! Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу и, чего ни попросим, получим от Него (1 Ин. 3:21–22). Просите, и дано будет вам (Мф. 7:7). Вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас (1 Ин. 5:14). Не имеете, потому что не просите. Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений (Иак. 4:2–3). Рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти. Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лицо Его от вас, чтобы не слышать (Ис. 59:1–2). Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва — мерзость (Притч. 28:9). Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна (Мк. 14:38). Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными (Рим. 8:26).

Если хочешь совершить добрую молитву, сбрось с себя мирские пристрастия и заботы, отрешись ум от всех мечтаний, очисти сердце от скверных желаний, свяжи свою волю, отвергни мудрости человеческие — и вознесись всеми силами к Богу. Ибо молитва — это забвение временного земного мира и всего, что есть в нем. Невозможно чисто молиться, если думаешь о делах земных и волнуешься о мирских попечениях. Молитва требует отложения суетных помыслов. Совершая то или иное обыденное дело, люди погружаются в него умом и размышляют лишь о нем — так надо приступать и к молитве. Не делай ничего противного ей, чтобы Бог помогал тебе. Ты — храм Божий. «Земля не выносит стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе; небо мало для пяди Его, а сердце твое — обитель для Него; где ни призовешь Его — слышит. Войди же в себя умом, пребывай в своем сердце, там Бог». Ум твой может двигаться по прямой, а может — по кругу. В первом случае человек осмысляет внешние предметы и размышляет о них. Во втором — углубляется в себя и направляет умственные силы окрест, что придает уму устойчивость, отвращает его от внешнего влияния. Лишь в этом круге душа может объединиться с неповторимой воссоединяющей мощью — благодатью Божьей. Иначе человек умом опять выходит вовне и блуждает там, и нет тогда в его душе попечения о Боге. Запомни: только направленному к Господу, движущемуся по окружности человеческого уму невозможно впасть в какое-либо блуждание. Ум человеческий, пусть даже и сосредоточенный, постоянно скачет. Приходится снова и снова возвращать его на круг молитвы, но он все равно ускользает у неопытных людей, которые еще не знают, что нет ничего более трудноуловимого и летучего, чем их собственное размышление. Внимай себе и молись! От этой брани внимания и молитвы с греховными мыслями зависит, будешь ли ты вечно жить или погибнешь. Смертный человеческий род удостоен благоволения Божьего, и чтобы перестать быть смертными и временными, необходимо часто беседовать с Создателем. По естеству мы смертны, через общение же с Богом приходим к вечной жизни. Нельзя тем, кто говорит с Господом, иметь смертные души, ибо смерть души порождает бесчестие и незаконную жизнь, и наоборот,

жизнь души есть служение Богу и житие, с этим связанное. Кто из людей не молится и не имеет желаний наслаждаться частыми беседами с Богом, тот мертв, бездушен и не причастен разуму. От ума нашего требуется сила, которую он для молитвы получил от Господа. Если стоишь на молитве рассеянный, когда мог бы собрать свое внимание, то такая молитва вменяется тебе во грех. Если же ты стараешься, но молиться без развлечения не получается, то принуждай себя, сколько хватает сил. Бог простит тебя, потому что не из-за пренебрежения, но по немощи не смог ты стать перед Ним как должно. Тот, Кто силен все утвердить, может и уму твоему дать постоянство; где Создатель духа нашего, там нет ничего непокорного Ему. Ум не нуждается в разнообразных молитвенных словах. Повторяй, например, по кругу в сердце своем: «Господи, помилуй меня, грешного!» — или другую молитву, которая дает тебе сокрушение сердечное, благоговение и слезы. Пусть она прилепится к твоему дыханию. Когда же молишься, не придавай Божеству какого-либо облика и не попускай, чтобы в уме твоём был запечатлен некий образ Его, но невещественно приступай к Невещественному — и войдешь в общение с Ним.

Постоянно предающийся молитве совершает наиглавнейшее дело и должен принять на себя особый подвиг, прилагая многий труд и непрестанное усердие, потому что зло полагает много препятствий на пути постоянной молитвы, как-то: сонливость, уныние, отяжеление тела, блуждание помыслов, смятение ума, нерадение, нетерпение, расслабленность и остальное. Затем следуют скорби и восстания самих лукавых духов, сражающихся с душой и противоборствующих ей вплоть до крови, когда она начинает истинно и непрестанно взыскивать Бога, ибо они стремятся воспрепятствовать ей приблизиться к Нему. Поэтому постоянно пребывающий в молитве должен мужаться со всем трезвением и усердием, телесно и душевно подвизаясь со всяким терпением, как действительно несущий на себе крест. Кто хочет получить дар истинной и подлинно непрестанной молитвы, тот должен жить, не привязываясь ни к чему из человеческого, кроме совершенно необходимого, а среди человеческих потребностей по мере сил не отступать от памяти Божией и стараться, по Василию Великому, носить в душе мысль о Боге как нестираемую печать. Во всю меру наших сил надо творить непрестанную молитву и делом, и словом, и помышлениями, пока не получим этого дара, потому что, говорит этот богослов, «если ты еще не принял благословенного молитвенного дара, упорствуй — и примешь». Святой Дух, сострадав нашему бессилию, посещает нас даже нечистых и, если найдет хотя бы только ум правдолюбиво молящимся Ему, входит в него и разгоняет все окружающее его воинство помышлений и умствований. Старайся всегда сосредоточиться на своем деле — на искании Бога и на стремлении к Нему. Мужество стяжи всяческое и будешь Бога иметь учителем в молитве. Тому, чтоб видеть глазами, нельзя научиться со слов, это приходит естественно. И красоту молитвы нельзя узреть по истолкованию другого — она сама в себе имеет наставником Бога, Который научает человека разуму, дает молитву молящемуся и благословляет лета праведных.

Тема № 18. О том, как правильно молиться

Есть три образа внимания и молитвы, которыми душа возвышается и преуспевает или низвергается и гибнет. Отличительные свойства первого образа таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои, очи свои и ум свой, держит в уме божественные помышления, воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых, и кратко все слышанное в Божественных Писаниях собирает в ум свой и рассуждает о том тогда — во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет — это будет первый образ внимания и молитвы. При этом образе молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что мало-помалу молящийся начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая, ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божьей в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это, то есть так думать в этом образе молитвы, есть знак прелести. Некоторые прельстились, приняв дьявола, преобразившегося и явившегося им в виде ангела света, а они не распознали его и остались неисправимыми до конца жизни своей, не хотели слышать никакого совета ни от какого брата. Некоторые из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то дьяволом: иные бросились в пропасть, иные удавились. Берегись этих сетей вражеских, ибо бывает, что, когда молишься чисто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой-нибудь образ странный и чуждый. Это делают враги затем, чтоб ввести тебя в самомнение, внушив мысль, что Божество явилось тебе, а еще и затем, чтоб ты подумал, что подобно этому, внезапно явившемуся тебе, Божество количественно (занимает место, протяженно, имеет части). А Божество ни количественности, ни образа не имеет. Никакого чувственного мечтания не принимай во время молитвы, чтоб не подвергнуться умалишению. Смотри, никаких не принимай во время молитвы сторонних помыслов и мечтаний, не слушай речей, будто к тебе обращенных, и не отвечай им. В этом пункте говорится о призраках, являющихся во время молитвы, — образах, звуках, светах, бывающих от врага. Совсем не желай и не ищи того, чтоб во время молитвы увидеть тебе какой-либо лик или образ. Не желай видеть чувственно ангелов, или силы, или Христа. Начало прельщения ума — тщеславие, коим движим ум, который покушается описать Божество в каком-либо образе или лике. Блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безвидение. Блажен ум, который, молясь без развлечения и рассеянности, восприимлет все большую и большую любовь к Богу. Блажен ум, который во время молитвы бывает невеществен и нестяжателен. Из сказанного нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от этого первого образа внимания и молитвы.

Второй образ есть такой: когда кто сводит ум свой внутрь себя (ум следит за самим собой), отвлекая его от всего чувственного (вещественного), собирает этот человек все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира, — и то исследует помыслы свои, то вникает в слова читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены дьяволом, унеслись к чему-то суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстью. Отличительная черта этого образа молитвы та, что молитвенное делание происходит в голове: мысли с мыслями борются. Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может человек мирствовать в себе никогда и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить венец правды, потому что сам он следит за своими мыслями в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую имеет он в помыслах своих, причиняют ему ущерб, и нет ему возможности ускользнуть от врагов своих демонов, чтоб они не поражали его. Как иногда порыв ветра, дуя на возжигаемый свет светильника, погашает

его, так и дьявол, увидев в душе пламень молитвы, спешит навеять оттуда и отсюда бесчисленные заботливые помыслы и не отстает от дела своего, пока не погасит этот огонь молитвы. А кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань.

Третий образ молитвы воистину дивен есть и неудобоизъясним и для тех, которые не знают его опытно, не только неудобопонятен, но кажется даже невероятным, и многие не верят, что подобная вещь бывает на деле. Ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом. Совесть свою хранить чистой должен ты в следующих отношениях: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему, в отношении к прочим людям, а также к вещам житейским и предметам мира. В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистой, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно ненавистно Богу и неприятно Ему, заповеди Его соблюдай! В отношении к духовному отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его. В отношении к другим людям соблюдай совесть свою чистой, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому. И в отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистой, употребляя их всегда как должно, именно — по необходимости пищу, питье, одежду. Не питай к вещам пристрастие. И вкратце, все делай так, как бы ты был перед лицом Бога, и ни в каком деле не допускай, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты сделал что-то нехорошо. Действуя таким образом, ты приготовишь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум да хранит сердце в то время, когда он молится, и внутри его да вращается ум неотходно (уму быть в сердце — отличительная черта этого третьего образа молитвы), и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. В этом всё; трудись так, пока вкусишь Господа. Когда же наконец ум там, внутри сердца, вкусит и чувством ощутит, как благ Господь, и усладится тем (наш труд, вкушение же это есть действие благодати в смиренном сердце), тогда не захочет уже он отдаляться от места сердечного, тогда скажет и он те же слова, какие сказал апостол Петр: «Хорошо нам здесь быть» (Мк. 9:5), и всегда уже будет взирать туда, внутрь сердца, и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые дьяволом. Стой вниманием внутри себя самого не в голове, а в сердце. Там имей ум свой, стараясь всячески найти место, где сердце, чтоб, найдя его, там уже всецело пребывал ум твой. И ум, подвизаясь в этом, обретет место сердечное. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту молитвенную. С этого же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо вражий помысел, прежде чем войдет он внутрь и помыслится или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, то есть: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!». С этого также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. От этого возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все помыслы, которые вращаются вокруг и стараются войти в сердце, поражает их молитвою. Пока сердце пребывает в добре, и Бог в нем пребывает, и оно служит источником жизни, потому что тогда из него исходит доброе. Но как скоро уклоняется оно от Бога и делает беззакония, то становится источником смерти, потому что тогда из него исходит злое. Сердце — Божия обитель, потому и нуждается оно в охранении.

Тема № 19. О теплоте сердечной и благодатном плаче

Если ты хочешь избавиться от пленения грехом и забвения Бога, то не иначе можешь этого достигнуть, как стяжавши в себе духовный огонь, ибо только от его теплоты исчезнет забвение и пленение. Теплота того огня, вошедши в сердце, свергает тяготу лености и освобождает человека от оков греховных, легчайшим делая его подвижничество. Этот огонь, возгоревшись в сердце, воскрешает молитву, и человек, все наконец презревши, пребывает в непрестанном сокрушении и умилении, источая всегда обильные источники слез и в этом находя сладостное утешение. Пламя производит потоки слез, а эти потоки — пламя. Ничто так не прилепляет к Богу и не соединяет с Ним, как слезы. Когда душа твоя приблизится к тому, чтобы выйти из тьмы, тогда вот что будет для тебя признаком: сердце у тебя горит, а потому целый мир вменяешь ты в навоз и пепел от сладости новых помыслов, непрестанно возбуждающихся в душе твоей. Внезапно дается тебе источник слез, как поток, текущий без принуждения и примешивающийся ко всякому делу твоему, то есть во время чтения твоего, молитвы твоей и размышления твоего, когда принимаешь пищу. От трех причин происходит поток непрекращающихся слез у человека. Во-первых, от изумления тайными прозрениями, во-вторых, слезы могут происходить от любви к Богу, которая воспаляет душу, и не может человек выносить эту любовь без постоянного плача, происходящего от сладости ее и наслаждения ею. В-третьих, слезы могут происходить от великого смирения сердца. Смирение сердца бывает у человека по двум причинам: или от острого сознания грехов своих, или от воспоминания о смирении Господа нашего. Слезы льются в изобилии без воли человека и без принуждения, когда охватывает его восхищение познанием тех предметов, которые духовно открываются уму в прозрениях. Плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, и, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, согревает сердце и воспаляет в нем любовь и вожделение к Богу. Как невозможно без воды вымыть загрязненное платье, так невозможно и душу омыть и очистить от скверн греховных без слез. Ибо это сокрушение есть некий огонь божественный, растапливающий горы и камни и превращающий их в луга и сады; это сокрушение изменяет души людей, его приемлющих, и бывает внутри их источником, источающим живую воду, которая непрестанно бьет ключом, течет, как из родника, и утоляет жаждущие души, мало-помалу жжет и опалает страсти, как терния, и наконец совсем уничтожает их. От слез происходит то, что иной любит врагов своих и умоляет о них Бога, другой радуется в искушениях и хвалится скорбями, третий смотрит на грехи других как на свои собственные и плачет о них, с готовностью предает жизнь свою на смерть за ближнего своего. Если ты приобрел способность плакать в молитве, значит, Бог коснулся твоих сердечных очей и ты прозрел умом. Не верь слезам своим прежде совершенного очищения от страстей. С богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия, и это на опыте узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости. Истинно плачущий не обратится ни к наслаждениям чувственным, ни к славе, ни к гневу и вспыльчивости. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение. Иногда приходит теплота, иногда отходит. Когда душа погубит блаженную и вожделенную теплоту сердечную, тогда пусть исследует, по какой причине она ее лишилась, и на эту причину да обратит весь труд свой, ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возратить, как теми же дверьми, которыми она вышла.

Тема № 20. О памяти смертной

Вам, которые будут жить после меня, даю заповедь: нет пользы в настоящей жизни, потому что жизнь эта имеет конец. Да, встречаться со смертью нелегко. Все понимают, что умрут, но почти для каждого смерть является полной неожиданностью и кошмаром. Мне встречались люди, которые умирали спокойно, лучше сказать, без трагедии, свойственной многим. Люди, которые не боятся смерти, либо лишены человеческого облика и подобны хищным животным по своему образу жизни, либо подобны в своем житии бессмертным ангелам, они не занимают свой ум страхом исхода из мира, потому что заняты другими переживаниями, созерцают великие тайны небесные, упокоиваются в благодати Божьей. Помни, наши чаяния не должны ограничиваться предметами и желаниями видимого мира. С мыслями о Боге и с Его благодатью в сердце смерть не страшна. Смерть бывает и прежде гибели тела, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ, действительное, опытно познаваемое, истинное. Ибо когда смертное наше мудрствование и мысленная суэта уничтожаются бессмертным умом, мертвость изгоняется жизнью, тогда душа ясно видит себя воскресшей, как пробудившейся ото сна, видит себя бодрствующей и осознает, что это Бог воскресил ее, познав Которого, она славословит бесконечную Его благодать. Боязнь смерти свойственна человеческому естеству из-за несоблюдения заповедей Божьих. А трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Всякому, начавшему жить по Богу, полезно постоянно помнить о часе своей гибели. Между тем страх смертной скоро рождает радость, узы этого страха разрывают узы всех грехов и страстей, и горечь эта бывает причиной не смерти, а вечной жизни. Ежедневно ожидайте конца дней своих на земле. Рано или поздно смерть придет, но вы, готовясь к встрече с ней, меньше будете грешить и усерднее молить Бога о прощении прежних грехов.

Вера во Христа, истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений, желание же этих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей учит людей глубокому сознанию своей немощности, это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти, кто же возымел эту память сожительницею себе, тот безболезненно предвидит, каково будет ему по исходе и удалении из телесной жизни. А кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишиться себя настоящего, то есть благ и вещей этого мира. Тело же после того не имеет уже более никакого плотского движения или воспоминания о своих похотениях, но бывает у таких людей как бы мертво и бездыханно. Совершенное чувство смерти свободно от страха. Когда та разумная сила, которая в нас, становится озаренной и духовной, человек совершенно презирает страх смерти и бывает постоянно вдохновлен надеждой на воскресение. Итак, кто телесен в знании своем, тому невозможно быть превыше страха смерти в помыслах своих, но постоянно ужасается он при воспоминании о ней. Будучи телесным, он и думает о телесном, а потому живет в нем постоянно и сомнение в воскресении. В душевном человеке живет страх. Но всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца. Помни непрестанно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами. Настоящим образом знает дело тот, кто не оставляет скорбной памяти о грехах своих и о праведном за них мучении в вечном огне прежде совершенного покаяния. Помышлением о смерти мучь душу свою и памятью о Христе Иисусе собирай расточенный ум свой. Память смерти есть повседневная смерть.

Тема № 21. О духовном наставничестве и о послушании наставнику

Если человек желает приступить к совершению истинного покаяния по заповеди Христовой, будучи уверен, что сам по себе не может как должно совершить это спасительное дело, пусть взыщет опытного отца духовного и, нашедши его, припадет к нему со страхом и трепетом, слушается его во всем, что он ни скажет ему, и со всем вниманием от него научается, что следует делать. Если он слова духовного отца своего будет принимать так, как бы они исходили из уст Самого Бога, с уверенностью, что от них — жизнь, если такое положит он начало делу своему и несомненно будет содержать веру в данные нам Богом обетования, то станет преуспевать по Богу день ото дня и, по чину шествуя путем заповедей, возрастет в духовном жителстве и по благодати Господа нашего Иисуса Христа соделается наконец мужем совершенным. Богопросвещенные отцы наши никакого не передали нам правила, которого не исполнили бы наперед сами. Кто в повинении отцу своему духовному приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно как сна или, лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ. Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя в послушание не неопытному и не одержимому страстями учителю, чтоб вместо евангельского не научиться дьявольскому житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые, от худых же семян и произрастания бывают всегда худые. Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания и особенно деятельные писания святых отцов, с ними сличай то, чему учит тебя учитель и настоятель, и ты, как в зеркале, увидишь, насколько эти наставления согласны между собою. Но по вступлении на поприще послушания уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судью, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Когда помысел склоняет тебя испытывать или осуждать твоего наставника, как от блуда, отскочи от этого помысла, не давай этому змею никакого послабления, ни места, ни входа, ни приступа, но говори ему: «О прелестник! Не я над наставником, а он надо мной получил суд, не я его, а он мой судия». Кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе. Послушание есть неверие себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей. Послушание есть совершенное отречение от своей души. Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни во мнимо худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его. Кто неизгладимо сохраняет это в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Впадающий же в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю еще живой бедственно низводится в глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства как непокорный сын погибели. Придти тебе в повинение препятствует воля твоя. Ибо воля наша, если сами самоохотно не отсекаем ее, обыкновенно раздражается на тех, которые покушаются отсекать ее принудительно, без нашего хотения, а из-за этого появившийся гнев, как злой разбойник, губит умение вести брань с духами злобы, которое с большим трудом едва-едва мы стяжали. Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших (Евр. 13:17).

Тема № 22. О человеческой плоти

Зачем Бог изначально вселил ум в наше тело? Уж не сделал ли плохо и Он? Подобные вещи принято говорить только еретикам, которые называют тело злом и извоянием лукавого, мы же злом считаем только пребывание ума в телесных помыслах, когда ум размышляет только о телесных удовольствиях, тело же само не зло. Если очистительное раскаяние перед Богом не ограничивается только мучимой душой, а переходит от нее в тело и в телесное чувство, наглядным свидетельством чего становятся горькие слезы у скорбящих о своих грехах, то разве не благочестиво будет допустить, что и знаки духовной божественной сладости тоже запечатляются в телесных чувствах людей, способных эту сладость вместить? Разве Господь не потому называет плачущих блаженными, что они утешаются, то есть плодом Духа в них будет радость? А ведь такому утешению и тело многообразно причастно, о чем знают только испытавшие, впрочем, святость бывает видима всеми: ласковый нрав, сладостные слезы, любезное внимание к собеседникам. Залог будущих благ получает не только душа, но и тело, вместе с ней стремящееся к ним по евангельскому пути. Отрицающий это отвергает и воскресение тела в будущем веке. Кто с некоторым насилием удерживает пять своих чувств (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), через которые обычно повреждается душа, тот всячески соделывает для ума легчайшими сердечный подвиг и брань с бесами. Плоть — коварный друг: чем больше удовлетворяют ее потребности, тем сильнейшую поднимает она брань на нас. Трудом ночных молитв обуздывая позы к чувственным удовольствиям, будь воздержен в еде и питье и довольно истончи тело свое, чтоб заблаговременно соделать для себя легкую брань сердечную. Но остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое и от того не усилилось против тебя небрежение от бессилия. Всякому надлежит как бы на весах взвешивать житие свое. Как мне возненавидеть ту, которую я по естеству привык любить? Как освобожусь от той, с которой я связан навеки? Как умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною? Как сделать нетленную ту, которая получила тленное естество? Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя, моя заступница и предательница. Когда я угождаю ей, она вооружается против меня. Изнуряю ли ее — изнемогает. Упокоиваю ли ее — бесчинствует. Обременяю ли — не терпит. Если я опечалю ее, то сам крайне буду бедствовать. Если поражу ее, то не с кем будет приобретать добродетели. И отвращаюсь от нее, и объеблю ее. Скажи мне, супруга моя — естество мое, скажи мне, как могу я пребывать неувязляемым тобою? Она же, отвечая душе своей, говорит: «Не скажу тебе того, чего и ты не знаешь, но скажу то, о чем мы оба разумеем. Я имею в себе отца своего — самолюбие. Внешние разжжения и нетерпимость к окружающим происходят от угождения мне и от чрезмерного во всем покоя, а внутреннее разжжение плоти и всякие похоти — от прежде бывшего покоя и от сладострастных дел. Зачавши, я рождаю падения, они же, родившись, сами рожают смерть отчаянием. Если явственно познаешь глубокую мою и твою немощь, то тем свяжешь мои руки. Если гортань умучишь воздержанием, то свяжешь мои ноги, чтобы они не шли на грех. Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня, а если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову. Предоставь Господу немощь своего естества, сознавая во всем свое бессилие, и получишь дарование целомудрия. Когда восстает на тебя тело, беги поспешно с молитвою к Иисусу — и успокоишься. До самого исхода своего не доверяй плоти своей. Не верь во всю жизнь твою этому брэнному телу и не надейся на него, пока не предстанешь Христу.

Тема № 23. О чревоугодии

Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и Божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ, напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными. Удивительное дело, что ум, будучи бестелесен, от тела оскверняется и омрачается и что, напротив, невещественное от поста утончается и очищается. Когда чрево утесняется, тогда смиряется и сердце, если же оно упокоено пищею, то сердце возносится всякими помыслами. Невозможно с насыщенным пищею чревом ополчаться против начал зла, против невидимых зложелательных сил тем, кто связан этой плотью тяжелою и всегда похотствующею на духа. Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости и пресыщения — нечистоты. При алчущем и смиренном чреве никак не проникнуть в душу срамным помышлением. Пост есть насилие естества, отвержение всего, что услаждает вкус, погашение телесного разжжения, истребление лукавых помыслов, освобождение от скверных сновидений, чистота молитвы, светило души, хранение ума, истребление сердечной бесчувственности, дверь умиления, воздыхание смиренное, радостное сокрушение, удержание многословия, причина безмолвия, страж послушания, облегчение от сна, здоровье тела, виновник бесстрастия, разрешение грехов, врата рая и небесное наслаждение. Будь господин над своим чревом, прежде нежели оно тобою возобладает. Кто угождает телу, тот усиливает его свирепость. Раб чрева рассчитывает, какими снедами почтить праздник, а раб Божий помышляет, какими бы духовными дарованиями ему обогатиться. Насыщение есть мать блуда, а утеснение чрева — виновник чистоты. Чревоугодие есть причина всех падений и отвержений своих обетов. Для принятия пищи следует назначить определенное время, чтобы постоянно не начинали мы есть все, что найдем, кроме как в назначенный час, в прочие же часы ограждать уста наши от вкусных блюд — за исключением того случая, когда находимся мы в великой немощи, проистекающей от болезни. Если душа желает различных снедей, то она ищет свойственного естеству своему, и потому против хитрого нашего чрева должно и нам употребить благоразумную осторожность, и пока нет сильной плотской брани и не предстоит случая к падению, то отсечем прежде всего утучняющую жирную пищу, потом разжигающую (калорийную), например мясо, а после и услаждающую — сладости. Если можешь, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую (быстро перевариваемую), например овощи, чтобы насыщением отделяться от ненасытной алчности чрева и через скорое переваривание пищи избавляться от разжжения плотского, как от бича. Вникнем и усмотрим, что многие из яств, которые утучняют живот, возбуждают и движение похоти. Против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино (Сир. 31:29). Вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно. Оно сотворено на веселие людям. Отрада сердцу и утешение душе — вино, умеренно употребляемое вовремя (Сир. 31:31–33). Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6:12). От пресыщения многие умерли, а воздержный прибавит себе жизни (Сир. 37:34).

Тема № 24. О похоти. О браке и семейной жизни

Грехи, бывающие от плотского вождения и сладострастия, разделяются следующим образом: иной называется прелюбодеянием, а иной — блудом. Блудом называется исполнение похоти, соделанное с кем-либо без обиды другому, а прелюбодеянием — навет и обида чужому союзу. К этому относят и скотоложество, мужеложество и тому подобное, потому что эти грехи есть прелюбодеяние против своего естества. Один есть законный союз жены с мужем и мужа с женою. Итак, все незаконное есть уже противозаконное. Ибо мужу дана от Бога одна помощница и над женою поставлена одна глава. И если кто обратится не к собственному, тот, без сомнения, чужое восхитит. Если бывает разжжение плоти, то должно укрощать ее воздержанием. Телесные разжжения и падения случаются обыкновенно от наслаждения сытной пищей и вином, также они бывают от высокоумия, от осуждения ближних. Отведи разум твой от воспоминания похотей и глаза от зрелищ сладострастных. Нельзя нам обнажать тела наши и внимательно рассматривать члены наши, когда они не покрыты одеждой, не следует нам прикасаться к телу нашему, как делают распущенные люди.

Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью. ...Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мк. 10:7–9). Каждый имей свою жену, и каждая жена имей своего мужа (1 Кор. 7:2). Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена — мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим (1 Кор. 7:3–5). ...Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем (Еф. 5:22–24). Жены, повинуйтесь своим мужьям, так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином (1 Пет. 3:1, 6). Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и — безрассудная (Притч. 11:22). Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками (Притч. 14:1). Хорошая жена — счастливая доля, она дается в удел боящимся Господа; с нею у богатого и бедного — сердце довольное и лицо во всякое время веселое (Сир. 26:3–4). Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа. Кто изгоняет добрую жену, тот изгоняет счастье (Притч. 18:23). Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее (Еф. 5:25–26). Так должны мужья любить жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя (Еф. 5:28). Мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах (1 Пет. 3:7). Брак у всех да будет чистен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог (Евр. 13:4). Разве не знаете, что вы — храм Божий и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог; ибо храм Божий свят; а храм — вы (1 Кор. 3:16–17). Тело не для блуда, но для Господа, и Господь для тела (1 Кор. 6:13). Берегите дух ваш, и никто не поступай вероломно против жены юности своей (Мал. 2:15). Всякий, разводящийся с женою своею и женящийся на другой, прелюбодействует, и всякий, женящийся на разведенной с мужем, прелюбодействует (Лк. 16:18). Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы.

Тема № 25. О безгневии и кротости, о непамятозлобии

Много бывает от раздражения греховных дел и всяких зол. Но отцам нашим угодно было о многих из них не говорить, и не признавали они требующим подробного рассмотрения всех согрешений, от раздражения происходящих. Писание возбраняет не только легкую рану, но и всякое злоречие или хуление и все подобное, от раздражения происходящее. Преуспевший в жизни по Богу избавляется от гнева и никакой неприязни к ближнему не держит в сердце. Нет гнева на ближнего, который был бы праведен. И если поищешь, то найдешь, что можно и без гнева дело устроить хорошо. Безгневие есть победа над естеством. Нечувствительность к досаждениям происходит от подвигов и потов смирения. Кротость есть недвижимое устроение души, в бесчестии и в чести пребывающее одинаковым. Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца, середина — молчание помыслов при тонком смущении души, а конец — непоколебимая тишина при дыхании нечистых ветров, от внешних и внутренних искушений происходящих. Если признак крайней кротости состоит в том, чтобы и в присутствии раздражающего сохранять тишину сердечную и залог любви к нему, то, без сомнения, крайняя степень гневливости обнаруживается в том, что человек наедине сам с собою словами и телодвижениями как бы с оскорбившим его препирается и ярится. Гнев естественно бывает разрушителен. Если гнев воскипит против бесовских помыслов, то их разрушает и истребляет, а если воскипит против людей, то и в этом случае истребляет, но только наши благие помышления и мир духовный в нас. Желание бесчестий есть исцеление раздражительности. А кто вооружается против гнева, тот никогда не потерпит поражения от похоти.

Благоразумие делает человека медленным на гнев, и слава для него — быть снисходительным к проступкам (ближних) (Притч. 19:11). Мудрый боится и удаляется от зла, а глупый раздражителен и самонадеян (Притч. 14:16). Глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность (Иов. 5:2). Всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией (Иак. 1:19–20). Самое движение гнева есть падение для человека. Терпеливый до времени удержится и после вознаграждается веселием (Сир. 1:22). Гневаясь, не согрешайте; о том, что говорили вы днем в сердце вашем, на ложе вашем сожалейте! (Пс. 4:5). Вспыльчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый утишает распрю (Притч. 15:18). Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость (Притч. 15:1). Ревность и гнев сокращают дни жизни (Сир. 30:26).

Непамятозлобие есть знак истинного покаяния, а кто содержит в сердце памятозлобие и думает, что он творит покаяние, тот подобен человеку, которому во сне представляется, что он бежит. Никто не думай, что эта мрачная страсть маловажна, ибо часто она вкрадывается и в духовных мужей.

Тема № 26. О сребролюбии и о нестяжании

Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие (1 Тим. 6:9–10). Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6:19–21). Подобно призраку, ходит человек, но напрасно суетится он; собирает сокровища и не знает, кому достанутся они (Пс. 38:7). Если богатство к вам течет, не прилагайте к нему сердца (Пс. 61:11). Хорошо богатство, в котором нет греха, и зла бедность в устах нечестивого (Сир. 13:30). Склони сердце мое к откровениям Твоим, а не к наживе неправедной (Пс. 118:36). Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру: суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: «Кто Господь?» и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всеу (Притч. 30:7–9). Богатством своим человек выкупает жизнь свою (Притч. 13:8). Благотворящий бедному дает займы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его (Притч. 19:17). Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся (Мф. 5:42). Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить — и не будет услышан (Притч. 21:13). Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро пожнет (2 Кор. 9:6). Когда у тебя будет много, твори из того милостыню, и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу; ты запасешь себе богатое сокровище на день нужды, ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму (Тов. 4:8–10). Блаженнее давать, нежели принимать (Деян. 20:35). Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его есть кровопийца. Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание, и проливает кровь, кто лишает наемника платы (Сир. 34:21–22). Не убивай (Исх. 20:13). Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре (Лк. 18:7–8). Юным был я, и вот состарился, но еще не видел праведника оставленным и потомства его просящим хлеба (Пс. 36:25). Любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога (Еф. 5:5).

Нестяжание есть отложение земных попечений, которое совершается по вере заповедям Спасителя, оно чуждо печали. Нестяжательный — владыка над миром, вверивший Богу попечение о себе, а что приходит, то принимает как от руки Господней. Нестяжательный подвижник есть сын беспристрастия, и что он получает, то считает за ничто. Вкусивший вышних благ легко презирает земные, невкусивший же первых радуется о стяжании последних. Обычно люди к трем вещам показывают особое усердие и заботу: или к богатству, или к славе, или к радости — и наслаждению, доставляемому этими двумя; и Владыка наш Бог тем, кто, оставя все, взяли крест свой и последовали за Ним, не возвращаясь вспять, перво-наперво богато дарует эти же три вещи. Вместо тленного богатства Он дает им всего Себя Самого. Понял ты смысл этого слова? Слышал страшное чудо? Как богатые этого мира тратят свое богатство на свои нужды, привычки и желаемые наслаждения, так и благой Владыка наш дарует Себя Самого истинным и верным рабам Своим, исполняет всякое их желание и потребу, как они того желают, и даже больше того, чем желают, снабжает их богато всяким благом и подает им всегда нетленное и вечное услаждение.

Тема № 27. О лени и нерадении. О трудолюбии

Главная наша беда — это безделье. Нам, как потомкам проклятого Адама, полагается в поте лица своего добывать хлеб насущный, доколе не возвратимся в землю, откуда взяты. В труде нашем искупление грехов, но трудитесь не ради денег, а ради живота своего. Кто трудится ради живота, не останется голодным. Ибо немного нужно человеку, чтобы насытить чрево и обеспечить себя и свою семью всем необходимым. Денег же много не бывает. Как утроба блудницы никогда не насыщается, так и душа человека, пораженного сребролюбием. Мечется она, суетится, но все только больше и больше жаждет. Трудитесь же. От безделья и пьянство, и распутство, и братоубийство, и уныние, и отчаяние, от этого нет царя в голове, одно тщеславие да гордость. Живите в страхе Господнем и в согласии с совестью своей. Пусть каждый выберет дело по душе и не оставляет его. Оно его и будет питать.

Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его (Притч. 16:26). [Сказал Бог]: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:19). Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего? Придет, как прохожий, бедность твоя и нужда твоя, как разбойник (Притч. 6:9, 11). Душа ленивого желает, но тщетно; а душа прилежных насытится (Притч. 13:4). Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает (Притч. 10:4). От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб (Притч. 14:23). Богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его (Притч. 13:11). От непотребства — оскудение и разорение: непотребство есть мать голода (Тов. 4:13). [Итак], веруй Господу и пребывай в труде твоем: ибо легко в очах Господа — скоро и внезапно обогатить бедного (Сир. 11:20–21). Не кради (Исх. 20:15). Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им (Притч. 1:19). Сын мой! Не берись за множество дел: при множестве дел не останешься без вины (Сир. 11:10).

Расслабление и тягота телесная, приходящие в душу от лени и нерадения, отбивают от обычного труда и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда часто появляться начинают в сердце помыслы страхования, и искушаемый демоном расслабления и уныния человек нередко предается бессилию. Телесный покой всегда удаляет нас от Бога. Прилежная молитва есть погибель унынию, а память о Страшном суде рождает усердие, которое есть враг лени и нерадения.

Тема № 28. О неосуждении, милосердии и о делании добра

Не домогайся сделаться судьей, чтобы не оказаться тебе бессильным сокрушить неправду (Сир. 7:6). Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить; а ты кто, который судишь другого? (Иак. 4:12). Не судите, да не судимы будете (Мф. 7:1). Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы (1 Кор. 11:31). Неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя. Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия? (Рим. 2:1, 3). Язык укротить никто из людей не может: это — неуправляемое зло; он исполнен смертоносного яда (Иак. 3:8). Смерть и жизнь во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его (Притч. 18:22). Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию (Иак. 3:9). От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься (Мф. 12:37). Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризненного суда, но сказал: «Да запретит тебе Господь» (Иуд. 1:9). Милость превозносится над судом (Иак. 2:13). Не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну (Рим. 14:13).

Судить — значит бесстыдно похищать сан Божий, а осуждать — значит губить свою душу. Человекоубийцы-бесы побуждают нас или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое. Суд Божий неизвестен людям. Некоторые явно впадали в великие согрешения, но большие добродетели совершали втайне, и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца. Человеку, который думает о злых делах людей и возбуждается ревностью, невозможно стать мертвым для мира. По двум причинам бывает человек постоянно облеченным в ревность о поведении других людей: или по гордости, или по глупости. Без этих двух причин человек не может преисполниться ревности. Последнее происходит или потому, что его собственные пороки в глазах его менее значительны, чем пороки всех остальных, а может быть, он думает, что у него их и вовсе нет и что поэтому он способен всех приводить к истине, или он считает, что он — друг Божий, когда ненавидит грешников, это поистине безумный образ мыслей, совершенно чуждый всякому познанию Бога. Не знает он, что святые принимали смерть всех видов ради злодеев и убийц — чтобы любовью вывести их на путь к Богу. За какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те впадем сами — и иначе не бывает. Осуждение другого случается с тобою оттого, что не умерло еще в тебе самооправдание. Осуждай себя — и перестанешь осуждать других. Ибо если бы человек в точности, без покрывала самолюбия увидел свои злые дела, то ни о чем другом не стал бы уже заботиться, помышляя, что на вымаливание прощения у Бога для самого себя не останется ему времени. Кто плачет о себе, тот не видит уже, плачет ли другой или оступился и согрешил ли он, и не станет судить других.

Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки (Мф. 7:12). Какою мерою мерите, такую же отмерится и вам (Лк. 6:38). Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром пред всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми (Рим. 12:17–18). ...Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд (Лк. 6:36). ...Давайте, и дастся вам (Лк. 6:38). ...Прощайте, и прощены будете (Лк. 6:37). Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои (Сир. 28:2). Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный (Мф. 6:14). Суд без милости не оказавшему милости (Иак. 2:13). Ибо Я милости хочу, а не жертвы (Ос. 6:6). Мстительный получит отмщение от Господа, Который не забудет грехов его (Сир. 28:1). Кому мало прощается, тот мало любит (Лк. 7:47). Братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что

чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте (Флп. 4:8). Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь (2 Пет. 1:5–7). Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15:13). Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи (Притч. 10:12). Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1 Кор. 13:4–7). Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас (Лк. 6:27–28). Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? (Мф. 5:46). Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей (1 Пет. 2:15). Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5:45). Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира (1 Кор. 14:33). Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5:48). Не будь побежден злом, но побеждай зло добром (Рим. 12:21).

Всякое дерево познаётся по плоду своему (Лк. 6:44). Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его (Лк. 6:45). Исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека (Мк. 7:20–23). Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни (Притч. 4:23). Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый; и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями (Притч. 6:16–19). Три рода людей возненавидела душа моя, и очень отвратительна для меня жизнь их: надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея, ослабевающего в рассудке (Сир. 25:3–4). Воздаяние человеку — по делам рук его (Притч. 12:14). Кто ищет зла, к тому оно и приходит (Притч. 11:27). Кто за добро воздает злом, от дома того не отойдет зло (Притч. 17:13). Чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведников исполнится (Притч. 10:24). Делайте добро, и зло не постигнет вас. Доброе дело — молитва с постом и милостынею и справедливостью. Грешники же суть враги своей жизни (Тов. 12:7–8, 10). Кто делает добро, тот от Бога; а делающий зло не видел Бога (3 Ин. 1:11). Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь (Сир. 7:39). Итак, кто понимает делать добро и не делает, тому грех (Иак. 4:17). Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва (Иак. 2:26). Всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое (2 Кор. 5:10). Души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их (Прем. 3:1). Праведники живут вовеки; награда их — в Господе, и попечение о них — у Вышнего. Посему они получают царство славы и венец красоты от руки Господа (Прем. 5:15–16).

Тема № 29. О тщеславии и гордости, лжи и лицемерии

Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту, так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и совершительницу. Когда человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. Когда человек оскорбит этого ангела и он удалится, тогда приближается к человеку дьявол, и с того времени нет уже у него попечения о праведности. Смотри, не вступи в самомнение и не понадейся на свои измышления, подобно древнему Израилю, иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Слабый наш разум коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет понадеяться, то падает и разбивается. Так бывает с теми, кто, не имея рассудительности, начали надмеваться, забываться и осуждать других и таким образом низринутись в преисподнюю земли. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего, а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, как и самое рождение.

Начало гордости — удаление человека от Господа и отступление сердца его от Творца его, ибо начало греха — гордость, и обладаемый ею изрыгает мерзость; и за это Господь посылает на него страшные наказания и вконец низлагает его (Сир. 10:14–16). Погибели предшествует гордость, и падению — надменность (Притч. 16:18). Испытания не служат врачевством для гордого, потому что злое растение укоренилось в нем (Сир. 3:28). Гордость ненавистна и Господу и людям, и преступна против обоих (Сир. 10:7). Не проси у Господа власти, и у царя — почетного места (Сир. 7:4). Когда гордится нечестивый, разгорается зависть нищего, и оба вязнут в кознях, замысленных ими (Пс. 9:23). Кроткое сердце — жизнь для тела, а зависть — гниль до костей (Притч. 14:30). Не завидуй славе грешника, ибо не знаешь, какой будет конец его (Сир. 9:14). Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми (Притч. 16:19). Кто входит в общение с гордым, сделается подобным ему (Сир. 13:1).

Лживый муж думает соделывать спасение других своею погубелью. Никто из благоразумных не сочтет ложь за малый грех; нет порока, против которого Всесвятой Дух произнес бы столь страшное изречение, как против лжи: «Бог погубит всех, говорящих ложь» (ср.: Пс. 5:7). Не знает младенец лжи, не знает ее и душа, очистившаяся от лукавства. Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтобы быть свидетелем неправды. Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды (Исх. 23:1–2). Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых; правды, правды ищи... (Втор. 16:19–20). Любящий неправду ненавидит свою душу (Пс. 10:5). Кто утверждает на лжи, тот пасет ветры (Притч. 9:12). Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость пред Господом (Притч. 17:15). Лжесвидетель не остается ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется (Притч. 19:5). Дух Господа наполняет вселенную и, как все объемлющий, знает всякое слово. Посему никто, говорящий неправду, не утаится, и не минет его обличающий суд (Прем. 1:7–8). Лицемерие — от самоугодия и самочиния, от жажды корысти и тщеславия. Лстец есть слуга бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. Лицемерие есть матерья лжи. Дух не принимает лести и не выносит слышать о том, чего нет.

Тема № 30. Об унынии и отчаянии

Уныние происходит иногда от пресыщения чувственными наслаждениями, иногда от малодушия и слабой веры, а иногда оттого, что страха Божия нет в человеке, от гордости его. К охлаждению же жара ревности по Богу первый повод, когда само вожделение уменьшится или прекратится в душе. А второй повод, когда войдет в душу какой-нибудь помысел уверенности или отважности, самонадеянности и утвердится в ней. Человек, который помнит, что по воле Божией случаются с ним периоды охлаждения и уныния, что он подвигнут к этому Богом и для исправления жизни нашей необходимо это, не обвиняет в унынии своем демонов, или людей, или тело — хотя от них происходит всякое уныние, — но сознает он, что именно Бог движет всем этим: не по воле одного из тех трех наступают охлаждение его и уныние его, но по воле Того, Кто движет ими. После великого уныния начинает мало-помалу зарождаться в сердце некий простор, рождающий радость изнутри, хотя эта радость не имеет причины в самом человеке или в какой-либо целеустремленности его ума. Ощущает человек, что радуется сердце его, но почему — он не знает. Видит человек, что возвышен разум его над всем существующим и в полете своем находится превыше мира и воспоминаний, которые ниже его. И не делает он уже различия между нынешним расширением ума в радостном биении сердца и прежним долготерпением в злострадании, не помнит прежних томлений. Нет никого, кто может постичь природу этих состояний, которые по воле Божией случаются с человеком. Но поистине блажен, кто в надежде на благодать Божию претерпел уныние, являющееся сокровенным испытанием добродетели его и причиной возрастания в нем разума. Муж послушливый и смиренный не знает уныния, через назначенные ему Богом и духовным наставником дела, которые прилежно исполняются им, оберегается он от сердечных мук.

Сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а влагает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жестокость и нечувствие безмерное, а через это демоны обыкновенно наводят отчаяние на взявшихся жить духовно. Когда печаль и отчаяние в нас усиливаются, тогда мы не можем приносить должного покаяния. Случается же, что сатана ведет разговор с тобою в сердце: «Смотри, сколько худого сделал ты, смотри, какого неистовства исполнена душа твоя, сколько обременен ты грехами, что не можешь уже спастись». Он это делает, чтобы свергнуть тебя в отчаяние, потому что неприятно ему покаяние твое. Ибо как скоро через преступление вошел грех, ежечасно беседует он с душою, как человек с человеком. Отвечай ему и ты: «Имею в Писании Господни свидетельства: „...не смерти хочу грешника, но покаяния, чтобы обратился он от пути лукавого и был жив“ (см.: Иез. 33:11). Ибо для того снишел Он, чтобы спасти грешных, воскресить мертвых, оживотворить умерщвленных, просветить находящихся во тьме». Не должно приходить в отчаяние и оставлять подвиг на половине дела, должно терпеливо пребывать в молитве до тех пор, пока Бог, видя нашу твердость, не озарит нас благодатию Духа, которая обратит в бегство наветника. Не говори: «Много времени я трудился и ничего не обрел», берегись этой мысли, ибо наказание следует сразу же за неверием: сердце, которое не верует, осуждено. Что есть наказание? То, что впал ты в отчаяние из-за богооставленности, родившейся от неверия твоего. Отчаяние же передаст тебя в руки уныния, а уныние передаст тебя расслабленности, последняя же уведет тебя от надежды твоей. Из того, что может случиться с тобой в конце концов, нет ничего хуже (о самоубийстве).

Тема № 31. О том, что́ можно сказать о Боге

Бог превосходит всякую сущность, ничем из сущего и из несущего не являясь. Нет ничего подобного Ему в принципе. Только Сам Бог знает то, что касается Его. Таким же таинственным, не свойственным тварным существам образом, не чувственно и не умно, Он знает и Свои творения, все созданное Им. А твари совершенно не подобает знать Его, не подобает даже и подумать что-либо о сверхсущественной Его Божественности. Ведь если бы тварь изучила и уразумела Творца, Каков Он есть, смогла бы высказать словом и описать Его, то стала бы равна Самому Господу. Здесь можно или верить, или не верить, потому что Он за гранью всякого понимания. Создатель не познаваем в принципе, мы никогда в точности не узнаем и о сотворенном Им мире, ведь через познание мира мы как бы получаем какое-то представление о Творце, как бы приближаемся к Нему. Он не существует в том виде, в котором существуют Его творения. Он все привел в существование, а Сам за пределами существования сотворенного Им мира. Поэтому мы никогда не сможем даже приблизиться к Нему. Он всегда останется недосягаем, непомыслим.

Бога никто не знает таким, каков Он есть, **ни Сам Бог не знает сущее таким, каково оно есть**, то есть не может подходить к чувственному чувственно или к существам как существо, ибо это несвойственно Богу. Люди постигают, что представляет собой чувственное, или через зрение, или вкусом, или осязанием; умственное же мы уразумеваем или путем изучения, или через научение, или благодаря озарению. Бог же ведает сущее, не пользуясь ни одним из этих способов, но обладая только Ему подобающим знанием. Это и имеет в виду выражение «Знающий все прежде его рождения» (Дан. 13:42), показывающее, что Бог знает сущее не свойственным бытию сущего образом, то есть не чувственно, как мы, но иным образом ведения. Ангелы же познают все разумом, нематериально, а мы — чувственно. Но Бог знает сущее несравненным и все превосходящим образом, не уподобляясь ни тому, ни другому. Смотри, как отрицания применительно к Богу решительно превосходят утверждения — такие как: безвидный, **бессущностный, безжизненный, безумный**. Они ведь содержат идею небытия и все-таки — в смысле превосходства — мыслятся применительно к Богу. Божественное следует понимать подобающим Божественному образом. Ведь применительно к Богу безумие и бесчувственность надо трактовать, подразумевая преимущество, а не недостаток, равно как и приписывая бессмысленность Превосходящему смысл, несовершенство — Сверхсовершенному и Просовершенному, неощутимый и невидимый мрак — Свету неприступному, превосходящему видимый свет. Подобаает между тем Ему, как всеобщей Причине, приписывать все качества сущего и еще более подобает их отрицать, поскольку Он превыше всего сущего, и не надо при этом считать, что отрицание противоречит утверждению, так как Причина всего, намного первичней и выше умалений, выше всякого и отрицания и утверждения. В применении к Богу отрицания не противоречат утверждениям, ибо Бог выше и всякого отрицания, и утверждения. Сам же Он пребывает превыше ума и сущности, и Ему совершенно не свойственно ни быть познаваемым, ни существовать. И совершенное незнание, понимаемое в лучшем смысле, есть знание Того, Кто выше всего познаваемого. Ибо, будучи Причиной сущего, Он выше сущего. По этой причине Бог считается пребывающим и везде и нигде. Божество, будучи непостижимым, непременно будет и безымянно. Итак, не зная сущности Его, не будем отыскивать имени Его сущности, ибо имена обозначают вещи.

Божественное несозданное естество пресущественно, так как оно превосходит сущность всего тварного, называясь пресущественным, оно однако имеет сущность и Ипостась (Личность), будучи мыслимо превыше всякой сущности и совершенно несравнимо с тварной ипостасью (личностью), ибо оно все неограниченно по природе.

Неограничиваемое же как ты назовешь ипостасью? А не имеющее ипостаси есть ничто, как же оно сообщимо мне? Слава могуществу Твоему, слава благоутробию, слава Тебе, что, пребывая непреложным и неизменным, Ты весь недвижим, хотя и приснодвижен, весь вне твари, но весь и во всей твари, весь наполняешь все, будучи весь и вне всего; Ты — превыше всего, Владыко, превыше всякого начала, превыше всякой сущности, превыше естества природы, превыше всех веков, превыше всякого света, превыше умных существ. Ведь Ты — ничто из всего, но превыше всего, ибо Ты — причина существующего как Творец всего. И потому Ты отделен от всего, мыслимый где-то вверху, превыше всего существующего, невидимый, непрístupный, неуловимый, неприкосновенный и, будучи непостижим, пребываешь неизменным. Являясь же совершенно простым, Ты однако весь разновиден, и вообще ум мой не может уразуметь разнообразия славы и великолепия красоты Твоей. Повторим же сказанное сначала. Бога, как Он есть по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет. Божественность по сущности неприсчастна и непомыслима. Причастна же Она в том, что из Нее все происходит и Ею поддерживается в бытии. Сам по Себе Бог непомыслим, но поскольку Он является причиной и началом всего сущего, Он есть простота простого, жизнь живущего, сверхсущность сущего, и вообще Он есть податель всякого блага. Все Божественное является нам и познается только путем сопричастности. А каково оно в своем начале и основании — это выше ума, выше всякой сущности и познания. Так что, **когда мы называем Бога Жизнью, Сущностью, Светом или Словом,** мы имеем в виду не что иное, как исходящие из Него в нашу среду Его боготворящие силы, создающие сущности, производящие жизнь и дарующие премудрость. Мы же приходим к Нему, лишь оставив всякую умственную деятельность, не зная никакого обожения, ни жизни, ни сущности, которые точно соответствовали бы запредельной все превосходящей Причине.

Тема № 32. О Боге, троичном в Лицах

Во-первых, нужно знать, что имена — Отец, Сын, Дух Святой — не людьми придуманы и не ими перенесены на Божество, а переданы нам свыше Богом через Священное Писание. Там Божественность воспевается и как Единое, и как Троица, хотя не является ни единицей, ни троицей в нашем, человеческом понимании. Мы одновременно называем Троицей и Единым превышающую всякое имя Божественность, чтобы как-то представить и выразить невыразимого Бога. Увы, среди тварного мира невозможно найти образ, в точности показывающий в себе способ существования Святой Троицы. Божество в раздельном — неделимо, и в Трех — едино. Если мы скажем, что Божество только едино, как говорят иудеи и мусульмане, мы уничтожим Бога. Потому что Он вообще неисчислим, как исчисляется все существующее в сотворенном Им мире. Часто православных обвиняют в разделении Бога, но это, как видите, от непонимания самого предмета. Триединство Бога на самом деле как раз лучше всего и отражает Его неисчислимость, невыразимость. Итак, Святая Троица есть единый Бог, неизреченный, безначальный, несозданный, непостижимый, нераздельный. И невозможно нам ни умом постигнуть Его, ни достойно описать словами.

Прежде чем сотворено небо, прежде чем произведена земля, был Бог Троица, один уединенный, Свет безначальный, Свет несозданный, Свет совершенно неизреченный, однако Бог бессмертный, один бесконечный, постоянный, вечный и весьма благостнейший. В начале не было ни воздуха, как ныне, ни тьмы не было вовсе, ни света, ни воды, ни эфира (космоса), ни чего-либо другого, но был один Бог — совершенно световидный и вместе всемогущий и невещественный. Он сотворил ангелов, начала и власти, херувимов и серафимов, господства, престолы и другие, не именуемые чины ангельские, служащие Ему и предстоящие со страхом и трепетом. После же того Он произвел небо, как свод, вещественное и видимое, чувственное и грубое, и, как один Он ведает, распростер его в мгновение ока одной только собственной волей, — ибо Он может «все, что хочет» (Пс. 134:6). Так учит Божественное Писание. Един есть сотворивший все Иисус Христос с безначальным Отцом и собезначальным Духом Святым. Итак, Троица есть совершенно нераздельное Единство: в Едином Три, и в Трех Едино, лучше же, Три эти Едино, и Едино, наоборот, — Три. Три Ипостаси соединены естеством, ни во едино не сливаются, ни на три не разделяются. В каждом из этих трех Лиц мысленно созерцаются и другие два, в едином существе, естестве и славе, — и три эти Лица есть один Бог, Творец и Вседержитель всего видимого и невидимого. Они неразлучны и не покидают друг друга, имея взаимное проникновение неслиянно: не смешиваются и не сливаются, но так, что тесно соединяются между Собою. Ибо Сын есть в Отце и Духе; и Дух — в Отце и Сыне; и Отец — в Сыне и Духе, причем не происходит никакого стирания, или смешения, или слияния. И единство и тождество движения у Них — ибо у трех Ипостасей одно устремление и одно движение. Естество Триипостасное совершенно неизъяснимо. Ибо ни имени Бога, ни естества, ни вида, ни образа, ни Ипостаси никто из людей не познал, чтобы изречь и описать и сообщить прочим. Богородность проявляется в названии «Троица». Чтобы представить символ невыразимых Ипостасей, было подобрано это название. Да и как можно из имен чего-либо из сущего назвать Бога, ничем из всего сущего не являющегося, но пребывающего выше всего? Нет для Него ни имени, ни слова, потому что Он — в недоступной запредельности, — не в смысле места — да не будет! — но в смысле рассуждений и размышлений, ибо никакому уму и размышлению не доступно слово о Боге. Надо хорошо и ясно уразуметь, что для Него не существует имени, ибо все сущее обозначается посредством известных имен и вещей.

По причине Отца, то есть по причине бытия Отца, существует Сын и Дух. И по причине Отца Сын и Дух имеют все, что имеют, то есть потому, что Отец имеет это, —

кроме нерожденности, и рождения, и исхождения. Ибо одними этими только ипостасными свойствами различаются между Собою три святые Ипостаси, нераздельно различающиеся не сущностью, а отличительным свойством собственной Ипостаси. Сын же от Отца по образу рождения; а Святой Дух также от Отца, но не по образу рождения, а по образу исхождения. И что есть различие между рождением и исхождением, нам ведомо, но каков образ различия — нет. Сын есть Сын, Слово, мудрость, сила, образ, сияние, отображение Отца, и Он — от Отца, но не Сын Духа. Дух есть Святой Дух Отца как от Отца исходящий, ведь никакое устремление не бывает без Духа. Но Он — Дух также и Сына, не как от Него исходящий, но как исходящий от Отца через Него. Ибо один только Отец — виновник. Помимо того что в самом единстве каждая из начальных Ипостасей сохраняет, как я уже сказал, свое собственное бытие, не смешиваясь и не сливаясь с другими, нужно сказать и еще об одном: не может быть повернуто наоборот все относящееся к сверхсущественному богорождению, единственным источником сверхсущественной Божественности является Отец. И гимны свято сохраняют особые хвалы для каждой из богочначальных Ипостасей. Признаки же раздельности — сверхсущественные имена и особенности Отца, Сына и Духа — никак не могут быть переставлены или использованы как полностью общие. Бог Отец, все из ничего создавший Словом Своим и силою Духа Своего содержащий, безвременно и безначально рождает единосущного Ему и от Него нимало не отделяющегося Сына Своего, вместе с Которым исходит и Дух Святой, Который есть единосущен с Сыном из единосущного Отца. Отец — родитель и изводитель, рождающий и изводящий бесстрастно, вне времени и бестелесно, Сын — рожденное, Дух — изведенное. Сын Божий, рожденный от Отца нераздельно и неразлучно и в Нем всегда пребывающий, имеет Свою собственную Ипостась (Личность) по отношению к Ипостаси (Личности) Отца. Божие же рождение да почтено будет молчанием. Как — ведают это родивший Отец и рожденный Сын. Итак, всегда сущий Бог рождает Свое Слово, Которое совершенно без начала и без конца, ибо не рождал во времени Бог. Веруем равным образом и в Духа Святого, во всем подобного Отцу и Сыну, от Отца исходящего, и через Сына раздаваемого, и через Себя Самого творящего, и осуществляющего все без изъятия, и освящающего, и содержащего, воипостасного, то есть существующего в Своей собственной Ипостаси (Личности), Который не отделяется и не расстается с Отцом и Сыном и имеет все, что имеет Отец и Сын, кроме нерожденности и рождения. Дух Святой, хотя и исходит от Отца, но исходит не по образу рождения, но по образу исхождения. Это иной способ существования, и непостижимый, и неведомый, так же как и рождение Сына. Мы мыслим Духа как сущностную Силу, Которая Сама по Себе созерцается в особенной Ипостаси, исходящей от Отца и почивающей в Слове и являющейся выразительницей Его, Которая не может быть отделена от Бога, но обладающая свободной волей, самодвижущаяся, деятельная, всегда желающая блага, у Которой при всяком намерении могущество не отстает от желания. Ветхий Завет ясно проповедал Отца, но не с такой ясностью Сына; Новый открыл Сына и дал указания о Божестве Духа, ныне же пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание. Не безопасно было прежде, нежели исповедано Божество Отца, ясно проповедовать Сына, и прежде, нежели признан Сын, выразусь несколько смело, обременять нас проповедью о Духе Святом и подвергать опасности утратить последние силы. Разумей, поклоняйся и веруй ныне и вовеки.

Тема № 33. Об именах Божиих

«Почему ты спрашиваешь имя Мое? Оно чудно» (Быт. 32:29). И не является ли поистине удивительным такое имя, «которое выше всякого имени?» (Флп. 2:9). Итак, Божество беспредельно и непостижимо. И только это одно — беспредельность и непостижимость — в Нем постижимо. А то, что мы говорим о Боге утвердительно, показывает не природу Его, а то, что сопутствует природе. Назовешь ли ты Его благим, или праведным, или мудрым, или чем бы то ни было другим, ты скажешь не о природе Бога, но о том, что сопутствует природе. Поэтому должно думать, что каждое в отдельности из того, что говорится о Боге, обозначает не то, что Он есть по сущности, но показывает или то, что Он не есть, или некоторое отношение к чему-либо из того, что Ему противопоставляется, или что-либо из сопутствующего Его природе. Безначальность же, и нетленность, и несозданность или же несотворенность, и бестелесность, и невидимость, и подобное показывает то, что Он не есть, то есть что Он не начал бытия и не уничтожается, и не создан, и не есть тело, и невидим. Благодать же и праведность, и святость, и подобное сопутствуют Его природе, но не показывают самой Его сущности. Более ценно и близко к Нему невещественное, нежели вещественное, и чистое, нежели нечистое, и святое, нежели преступное, потому что оно в большей мере причастно Ему. Есть же и нечто, что говорится о Боге утвердительно, но имеет силу превосходного отрицания, как, например, тьма — не потому, что Бог — тьма, но потому, что Он не есть свет, а превыше света. Он — пресущественный, а потому безымянный, а как Виновник всего сущего именуется от всего, имеющего Его причиной. Он по неизреченной благодати благоволил именоваться по тому, что свойственно нам, чтобы мы не были совершенно непричастными узнаванию Его, но имели хотя бы темное понятие о Нем. Все приличествующие Богу имена всегда воспеваются Писаниями как относящиеся не к какой-то части, но ко всей Божественности во всей ее целостности, всеобщности и полноте.

Он как Единое является причиной всего, предшествующей всякой единице и множеству, части и целому, границе и безграничности, пределу и беспредельности, является причиной каждого и всех в целом, а вместе с тем Он пребывает до всех и выше всех. «Сущий» (см.: Исх. 3:14) является сверхсущественной субстанциальной причиной всякого возможного бытия. Из Сущего — и вечность, и сущность, и сущее, и время, и возникновение, и возникающее, сущее в сущих и каким бы то ни было образом возможное и ставшее. И существует Сущий Бог ведь не как-то иначе, но просто и неопределенно, все бытие содержа в Себе и предымея. **Его же Самого не было, не будет и не бывало. Он не возникал и не возникнет, и — более того — Его нет.** Но Он Сам представляет Собою бытие для сущих, и не только сущие, но и само бытие сущих — от предвечно Сущего, ибо Он Сам есть век веков, пребывающий до веков. Хорошо сказал святой Дионисий: не было, ибо «было» является характеристикой времени. Бог же выше «было», то есть выше времени. И вечность надо относить к Нему богоподобно, потому что Он при всяком движении остается неизменным и неподвижным, вечно двигаясь, пребывает в Себе и является причиной и вечности, и времени, и дней. Бог Сам для Себя служит пределом и пространством; и ничто не простирается за пределы Бога, потому что Он измеряет и бесконечное: и века, каковые не имеют конца. О Боге говорится, что Он пребывает в сверхвечности Своего бытия. Также Бог воспевается как справедливость — как всех по достоинству наделяющий и благомерностью, и красотой, и благочинием, и устройством, все распределения и порядки назначающий каждому в соответствии со справедливейшим пределом, и для всех и каждого является Бог причиной самостоятельности. Ибо все Божественная Справедливость созидает и определяет, все сохраняя беспримесным, с другим не смешанным и всему сущему и каждому

подобающее даруя в соответствии с принадлежащим каждому из сущих достоинству. Чтобы воспеть бессловесную, без умную Премудрость наилучшим образом, скажем, что Она есть причина всякого ума и смысла, всякой премудрости и сознания, что Ей принадлежит всякая воля, от нее — всякое знание и сознание и в Ней «все сокровища премудрости и ведения сокрыты» (Кол. 2:3). Сверхпремудрая и всепремудрая Причина, согласно уже сказанному, есть основание всякой самой-по-себе-премудрости и всей мудрости в целом и во всех ее видах. И имя Сущий распространяется на все сущее и превышает сущее. И имя Жизнь распространяется на все живое и превышает живое. И имя Премудрость распространяется на все мыслящее, разумное и воспринимаемое чувствами и превышает все это. Таким образом, слово стремится воспеть Божественные имена, разъясняющие Промысл. Это слово ведь не обещает разъяснить саму самосверхсущественную доброту, сущность, жизнь и премудрость самосверхсущественной Божественности, которые превыше всякой доброты, божественности, сущности, жизни и премудрости, но только показывает сам Промысл и причину всех благ, творящую сущее, творящую жизнь и дающую премудрость тем, кто причастен сущности, жизни, уму, смыслу и чувству. Таким образом, ко всеобщей, все превышающей причине подходит и анонимность (безымянность), и различные имена сущего как к настоящей царице всего, от которой все зависит и которой все принадлежит как причине и началу.

Богословы заимствуют имена для Бога не только от всеобщих или частных Его промыслов о мире, но и из некоторых Божественных видений, озаривших посвященных святых или пророков в священных храмах или в других местах. Превосходящего всякое имя они называют именами то одной, то другой причины и силы, придавая Ему то человеческие, то огненные, то янтарные формы и вид, воспевая Его «уши» (Иак. 5:4), «волосы» (Дан. 7:9), «лицо» (Пс. 33:17), «руки» (Иов. 10:8), «крылья» (Пс. 90:4) и «ноги» (Втор. 24:10). Они снабжают Его «венцом» (Откр. 14:14), «престолом» (Иез. 1:26), «кубками», «чашами» (Пс. 74:9; Притч. 9:2–3) и другими полными таинственного смысла вещами. А так как мы находим, что в Божественном Писании весьма многое символически сказано о Боге в телесном образе, то должно знать, что нам как людям, облеченным этой грубою плотью, невозможно мыслить или говорить о Божественных, и высоких, и невещественных действиях Божества, если мы не воспользуемся соответствующими нам подобиями, образами и символами. Поэтому то, что сказано о Боге телесным образом, сказано символически, смысл же имеет более возвышенный, ибо Божество — просто и не имеет формы. Итак, очи Божии и зрение будем понимать как Его надзирающую над всем силу и как безошибочность Его знания, сообразно тому, что у нас при посредстве чувства зрения происходит более совершенное знание и удостоверение. Уши же и слух — как склонность Его к милости и как восприимчивость к нашему молению. Ибо и мы становимся благосклонными к умоляющим через посредство этого чувства, радушнее наклоняя к ним ухо. Уста же и речь — как то, что изъясняет Его волю, потому что и у нас заключающиеся в сердце помышления выражаются через уста в нашей речи. Гнев же и ярость Его — как ненависть и отвращение к пороку. Ибо и мы, ненавидя противостоящее нашей воле, приходим в гнев. Запомни, что помимо образов и символов невозможно нам, во плоти сущим, увидеть невещественное и бесплотное. Ибо мудрое Божие снисхождение, зная немощь нашего ума, неспособного к более высокому созерцанию, создав родственной ему подъем, таким образом сделало доступными для его восприятия высшие Божественные порядки, показав их не такими, каковы они поистине, но такими, какими мы можем их воспринять.

Тема № 34. О Божественной иерархии, ее единстве и гармонии

Итак, из этой всеобщей Причины происходят умопостигаемые и разумные сущности боговидных ангелов, и все естества душ человеческих, и весь мир. Ибо все святые и важнейшие силы воистину существуют как бы в преддверии сверхсущественной Троицы, от Нее и в Ней имеют бытие, а следом за ними меньшие (люди) в достаточном удалении отстоят от Троицы, и наименьшее (все остальное творения Бога) — в предельном отдалении. Под предельно удаленными от Причины всего надо разуметь материальные земные тела. Ибо начало всего Бог, как мы уже говорили, а конец всего эта навозообразная грубая землевидная часть материи, потому и называется она подножием Божиим. Но и пределом являясь, она, однако же, причастна Его благодати. И вообще нет ничего из сущего, лишённого вседержительской защиты и окружения Божественной силы. Богословы говорят, что, все превосходя, Бог как таковой ничему не подобен, но Он дарует Божье подобие обращающимся к Нему, чтобы они по мере сил подражали Сущему выше всякого предела и слова. Подражание, о котором здесь идет речь, можно понять как обращение к Богу мыслящей и разумной природы в соответствии со сказанным: «Будьте совершенны» (Мф. 5:48), что по-настоящему и превыше всякого предела и слова свойственно только Богу, а тварям — по мере сил и соответственно их природе. Светы, вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные, невидимые ангелы. Они предстоят окрест великого престола, потому что есть умы быстродвижные, пламень и Божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким повелениям. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плоти ведут начало (потому что всякая плоть едва загустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. Все они единомысленны друг с другом, и каждый тождествен сам с собой. У всех у них одна совершеннейшая пища — насыщать ум величию Божиим и в светлой Троице черпать безмерный свет. Природа светов поддерживается в бытии тем, что высочайший Свет лучами Своими непрестанно просвещает умы низшие. Ангел есть сущность мыслящая, всегда движущаяся, обладающая свободною волею, бестелесная, служащая Богу, по благодати получившая для своей природы бессмертие, какая же это сущность, и вид, и определение знает один только Создатель. Бестелесной и невещественной эта сущность называется по сравнению с нами, ибо все сопоставляемое с Богом оказывается грубым и вещественным, потому что одно только Божество поистине невещественно и бестелесно. Ангелы, будучи умами, в местах находятся умопостигаемых, и не телесным образом описуемы (ибо по природе они не принимают телесного облика). Но хотя ангел телесным образом не заключается в месте, чтобы запечатлеваться и принимать облик, однако о нем говорится, что он находится в месте, вследствие того что он присутствует умопостигаемо и действует сообразно со своей природой, и не находится в другом месте, но умопостигаемо ограничивается там, где действует. Ибо он не может в одно и то же время действовать в различных местах — ведь одному только Богу свойственно действовать повсюду в одно и то же время. Ибо ангел действует в различных местах вследствие естественной быстроты и проворности, то есть скорого перемещения, а Божество, будучи везде и выше всего, в одно и то же время различным образом действует единым и простым действием. Из ничего внезапно сотворил Он простых духов, светоносных и бестелесных, говорящих без уст, видящих без очей, слышащих без ушей, летающих без крыльев, действующих без рук, осуществляющих все функции членов без самих членов. Они не устают и не изнемогают, они быстры в движениях, незамедлительны в действии. Они огненны, остры умом, восхитительны в знании, уподобляясь Богу, насколько это возможно.

От Него уразумеваемые и уразумевающие силы ангельских умов получают простые и блаженные разумения. Не в частностях, или от частных, или от чувств, или из слов вывода, собирают они Божественное знание и ничем, что имеет с этим общее, не пользуются, но чистые от всего материального и множественного, они умственно, нематериально, единовидно уразумевают умопостигаемое в Божественном. И пребывает их умственная сила и энергия облаченной в беспримесную и незапятнанную чистоту, способной видеть Божественные мысли, своей нерасчлененностью, нематериальностью и боговидным единством отражая, насколько это возможно, Божественные сверхпремудрые Ум и Слово. Но и души человеческие наделены осмысленностью, и им свойственно двигаться поступательно вокруг Истины, но, по причине частичности и разнообразной изменчивости, они остаются ниже ангельских умов, однако же благодаря способности собирать многое воедино — в той мере, в какой это душам свойственно и возможно, — они удостаиваются равноангельских разумений. Мы получаем знание о сущем от разделенных чувств или же в разделенных на части разумениях из отдельных актов познания, а иногда и из поясняющих слов, дающих ясное и полное объяснение явления. Ангельское же уразумевающее естество как непричастное всему таковому единым и простым разумением Истины озаряется знанием и получает его от самой Истины. Ангелы не нуждающиеся в языке и слухе, но без произносимого слова сообщают друг другу собственные мысли и решения. Ангелы, будучи невещественными, простыми, бестелесными, проникают друг в друга, наблюдают мысли друг друга и при посредстве молчания яснее и выразительнее говорят, чем мы, пользуясь нашими словами. Силы души же сопряжены с чувствами тела. Душа есть сущность живая, простая и бестелесная, по своей природе невидимая для телесных глаз, бессмертная, разумная и мыслящая, не имеющая материальной формы, пользующаяся снабженным различными органами телом и доставляющая ему (телу) и жизнь, и возрастание, и чувство, и порождающую силу. Среди всего умного она последняя. Видишь отсюда, насколько отличается душа от существ умопостигаемых. Те умом, целостно, постигают и уразумевают превосходящие их Божественные осияния, открывающиеся в своей мере, душа же обычно постигает все это словесно и повествовательно, то есть частями. Ибо ум человеческий пускается в рассуждения, объясняя через множество примеров то, что превосходит его силы.

Первое, чистое естество — Троица, потом ангельская природа, в-третьих же, я, человек, поставленный в равновесии между жизнью и болезненной смертью, я, которому предназначена величественная цель, но достигаемая с трудом, если хотя бы приоткрыта мною дверь греховной жизни. Одно Божье естество совершенно неизменно, ангельское же естество неудобопреклонно ко греху, а мы, третий род, удобопреклонны, и чем дальше от Бога, тем ближе ко греху. Природа невещественная — ангел, первая тварь. Но что такое ангелы, уклонившиеся от доброго? Это демоны. По причине бессмысленности демонский ум стремится достичь равенства с Богом, но не знает, как этого можно добиться, не от природы страдая неведением, но добровольно избрав противоестественное. Бог не есть бог неустройства, чтобы низшие самовластно присваивали себе принадлежащее высшим, выдумывая новое законоположение на зло самим себе. Каждый должен пребывать в данном ему чине и не преступать пределов, ибо они не наши, но Божии. И душе по природе присуще обладать стремлением к прекрасному, и она всегда старается желать лучшего, но левая сторона зла с помощью ужасного коварства возвращает в душах простецов мечтание о «прекрасном» для помрачения подлинно прекрасного.

Тема № 35. О добре и о том, что есть зло

Как говорят Писания, именно из добра все возникло и существует, будучи выведено из совершенной Причины. Для добра существовать по существу означает распространять благодать во все сущее. Ибо как солнце в нашем мире, не рассуждая, не выбирая, но просто существуя, освещает все, что по своим свойствам способно воспринимать его свет, так и превосходящее солнце добро в силу лишь собственного существования сообщает соразмерно всему сущему лучи всецелой благодати. Бог, являющийся причиной всего, по сверхмерной благодати любит все, творит все, все совершенствует, все сохраняет, все возвращает. Ибо Сама добротворящая Любовь к сущему, с избытком предсуществуя в добре, не позволила Себе бесплодно остаться в Самой Себе и подвигла Себя действовать для преизбыточного порождения всего. Зло не происходит от добра, все, что происходит от добра, это не зло. Ибо как огню несвойственно холодить, так и добру несвойственно причинять недоброе. И если все сущее из добра (ибо природа добра состоит в том, чтобы все производить и сохранять, а зла — разрушать и губить), то ничто из сущего не происходит от зла. Одни причаствуют добру в совершенстве, другие более или менее его лишены, третьи имеют к добру еще более смутную причастность, а четвертым оно является в виде предельно слабого отголоска. Ибо не частичное, но полное лишение добра есть зло. А не частично, но полностью добра лишеного, такового и не было, и нет, и не будет, и быть не может. Беспримесные и всецелые блага получают от добра надмирные умственные существа — ангелы — как бестелесные. Добро же с примесью усматривается в разумных телах, то есть у нас — людей, ибо бессловесная часть души причастна, как сказано, материи, то есть телу, словесная же часть, склоняясь к бессловесной телесно-материальной и иногда подчиняясь ей, из-за этого опускается до материи. Что же касается зла в собственном смысле слова, то это есть вид и случай испорченности, по существу своему направленное против самого себя, а не против другого. На деле же превосходство величия силы добра таково, что оно и тому, что в какой-то мере его лишено, дает силы восполнить недостаток себя до полного к нему причастия. И если полностью уничтожить добро, не останется ни сущности, ни жизни, ни желания, ни движения, и ничего другого. Так что зло есть проявление меньшего добра, подобно тому как болезнь представляет собой недостаток порядка, но не его полное отсутствие. Ибо где нет добра, там в природе нет ничего. Как же появилось бы зло, не будучи кем-нибудь осуществляемо? Ведь если убрать тела и свет, то не будет и тени. Таким образом, зло существует не просто так, но как бы в субъекте. То зло, что бывает, когда кто-то привержен постыдной слабости, есть вид зла. Ибо совершенное зло само по себе не существует, поскольку причаствует — хоть и в предельно слабом отголоске — добру. Добро передает всем сущим любовь и воспевается священными богословами как мир в собственном смысле слова и Дарователь мира. Так что не в Боге зло, и зло не божественно. Но и не от Бога зло. Ведь либо Он не благ, либо Он творит и доставляет блага по-разному, так, что иногда одно, иногда же другое и не все, но в таком случае окажется подверженным переменчивости и изменчивости сама Божественная причина, что невозможно, ибо Бог перестанет быть Богом. Но и не в ангелах зло. Ведь если благовидный ангел возвещает Божественную благодать, будучи сам по причастию вторично тем же, чем является по существу возвещаемое, то ангел есть образ Божий. Да и демоны по природе не злы. Ибо будь они злы по природе, они были бы не от добра, не в числе сущих, не из благих, изменивших свою природу, а были бы вечно злы. Как сотворенные Богом демоны могут быть злыми? Ведь добро вводит их в бытие. Хотя они, скажет кто-нибудь, и зовутся злыми, но не поскольку существуют, ибо они происходят от добра и получили хорошую сущность, но поскольку не существуют в том виде, как созданы, оказавшись не в состоянии, как говорят Писания, «сохранить свое достоинство»

(Иуд. 1:6). Так что это не зло, а недостаток добра. Зло только причиняет порчу лику сущего. Поскольку демоны существуют, думают, живут и имеют желание благого, они злы не по природе, но из-за извращенного желания якобы доброго. И они не совершенно непричастны добру, поскольку существуют, живут, думают и вообще у них есть какое-то движение и желания. Что они злы, говорят из-за того, что они оказались неспособны к соответствующей их природе деятельности. Их зло — это отступничество, уход от того, что им подобает, упущение, несовершенство и бессилие, ослабление, отступление и отпадение от создающей их силы. Но это не представляет собою ни совершенного зла, ни зла для всех, ни самого по себе зла. Зло как таковое не существует нигде. Зло возникает не от силы, но от слабости. В том числе у демонов. Свойственное же им зло — следствие их отпадения от собственных благ, уклонение от тождественности и неспособность обладать подобающим им по природе ангелоподобным совершенством. И если они не желают добра, они желают несуществующего, невозможного. И это уже не желание, а погрешность относительно истинного желания. Святые Писания называют согрешающими в разуме тех, у кого от слабости иссякает знание или делание добра: кто знает волю и не творит, слышал о добре, но ослабел верой или энергией. И вообще зло, как мы многократно сказали, есть изнеможение, слабость и оскудение либо знания, либо веры, либо желания, либо энергии добра. Но кто-нибудь скажет, что слабость заслуживает не наказания, а прощения. Если бы быть сильным было невозможно, это было бы справедливо. Если же скажем, что души озлобляются, то от чего они озлобляются, как не от оскудения благих свойств и способностей и оттого, что по собственной немощи допускают погрешности и поскальзываются? Так что ни свойственное демонам, ни нам свойственное зло не представляет собой сущее зло, но есть лишь недостаток, отсутствие полноты свойственных нам благ. Но и не в телах зло. Ибо некрасивость, болезнь — это ущерб вида и нарушение порядка. Это не совершенное зло, но меньшее добро. Когда же происходит полное разрушение красоты, вида и порядка, погибает и само тело. Но то, что тело не является причиной порочности души, ясно из того, что порочность может появиться и без тела, как это случилось у демонов. Зло же и для умов, и для душ, и для тел есть слабость в пользовании и уклонение от обладания собственными благами. Но и в бессловесных животных нет зла. Ведь если отнимешь у них ярость, похоть и тому подобное, что называют, то потерявший мужество и гордость лев уже не будет львом, ставшая ко всем ласковой собака уже не будет собакой. Так что то, что не губит природу, не является злом, гибель же природы — слабость и нехватка природных свойств, энергии и сил. Зло природы — противоестественность, отрицание природы. Так что нет злой природы, зло же природы состоит в неспособности исполнить свою природу. Но — вопреки широко распространенному мнению — и не в материи зло. Если же она как-то существует, а все сущее — от добра, то и материя должна происходить от добра. Если материя необходима для полноты всего мира, то как же материя — зло? Это ведь разные вещи — зло и необходимость (в материальной природе все происходит строго по законам существования этой природы, и все подчинено этим законам, все необходимо зависимо). Материя, будь она злой, разве могла бы порождать и питать? Ведь зло как таковое не способно ни порождать, ни питать, ни вообще что-либо создавать и сохранять. Злу надо приписать случайное бытие, возникающее благодаря другому, а не из собственного начала. Суммируя, можно сказать, что добро происходит от Единой всеобщей причины — Бога, зло же от многих частичных оскудений.

Тема № 36. О тайне боговоплощения

Людам Бог даровал нечто большее: не создал их просто как всех бессловесных животных на земле, но сотворил их по образу Своему, сообщив им силу собственного Слова Своего — разумность, чтобы, имея в себе как бы некие оттенки Слова и став словесными, могли они пребывать в блаженстве, живя истинною жизнью — жизнью святых в раю. Но зная также, что человеческое произволение может приклониться в ту или другую сторону, данную людям благодать ограничил законом и местом. Так как в его, человека, власти было вкушать от всякого дерева райского, еще же и от самого дерева жизни, то ему дана была заповедь не вкушать от одного только дерева, чтобы знал, что он переменяем и изменяем, и остерегался, и пребывал всегда в том добром и Божественном состоянии, в котором находился он в раю. Но люди, уклонившись от вечного, по совету дьявола обратились к тленному, сами для себя стали виновниками тления в смерть, потому что по природе они были тленны, но свойственного им по природе могли избегать по благодати как причастники Слова, если бы пребывали добрыми, по причине соприсушного им Слова не приблизилось бы к ним естественное тление, как говорит Премудрость: «Бог создал человека в неистление, в образ собственной Своей вечности, завистью же дьявола смерть вошла в мир» (Прем. 2:23–24). Первозданный Адам, будучи в раю, впал по внушению змея в гордость, возмечтав быть богом. За это предан он великим карам — тлению и смерти, для смирения гордыни его. Но когда Бог осуждает на что-то и выносит приговор, приговор Его становится делом и карою вечною, нет уже никакой возможности уничтожить эту кару, бывающую по Божьему определению. И стали мы, люди все, и тленны, и смертны, и нет ничего, что могло бы отменить этот великий и страшный приговор. Впрочем, и здесь приобретает нечто, именно смерть — в пресечение греха, чтобы зло не стало бессмертным. Итак, когда истлевали словесные твари и гибли такие Божии произведения, что надлежало сделать Богу, Который благ? Попустить ли, чтоб тление над ними превозмогло и смерть ими обладала? Какая же тогда была нужда сотворить их в начале? Было бы лучше не творить, нежели сотворенным оставаться такими и гибнуть. Итак, надлежало не допустить, чтоб люди поглощались тлением, потому что это неприлично Божией благодати и не достойно ее. Наша вина послужила поводом к Его пришествию, и нашим преступлением вызвано человеколюбие Слова, чтобы Господь пришел к нам и явился среди людей. Мы стали побуждением к Его воплощению, для нашего спасения показал Он столько человеколюбия, что принял на Себя человеческое тело и явился в нем. Поскольку справедливо мы были преданы в рабство дьяволу и смерти, то долженствовало, конечно, чтобы и возвращение человеческого рода в свободу и жизнь было совершено Богом по принципу правды. Ибо это — наилучший порядок: чтобы правда предшествовала силе, а не тирания, где правда могла бы лишь следовать за силою. Нужно было, чтобы побежденное стало победителем над победившим и чтобы перехитривший был перехитрен. По этой причине Бог Слово, единый безгрешный Сын и Слово Божие, стал Сыном человеческим, неизменным по Божеству, безупречным по человечеству. Но для чего соделался таковым Христос? Для того чтобы соблюсти закон Божий и заповеди Его и чтобы вступить в борьбу и победить дьявола. То и другое совершилось в Нем само собою. Ибо если Христос есть Тот Самый Бог, Который дал заповеди и закон, то как можно было не соблюсти Ему того закона и тех заповедей, которые Сам дал? И если Он Бог, то как возможно было Ему быть обольщенным или обманутым какою-либо хитростью дьявола? Дьявол, как слепой и бессмысленный, восстал против Него бранью, но это попущено было для того, чтобы совершилось некое великое и страшное таинство, именно, чтобы пострадал Христос безгрешный и через то получил прощение Адам согрешивший. И поскольку враг прельщает человека надеждою на получение

божественности, то его самого Бог прельщает одеянием плоти как приманкою. Слово Божие, крестом поймав начало злобного змея, освободило от него поработанный весь человеческий род, ибо когда тиран пал, все тиранствуемое освободилось; и это — именно то, что Сам Господь в Евангелиях говорит: «Связан сильный и расхищены сосуды его» (см.: Мф. 12:29; Мк. 3:27). Таким образом Он через страсти на кресте и плоть обратил в бегство дьявола, показав, что и смерть Его гораздо драгоценнее присущего дьяволу бессмертия, потому что смерть Его явилась виновницей воистину жизни. Так как Адам подпал клятве, а через него и все люди, от него происходящие, приговор же об этом Божий никак не мог быть отменен, то Христос через то, что повешен был на древе крестном, уничтожил приговор Божий преизбыточествующим достоинством жертвы. Ибо что больше и выше Бога? Как во всем этом видимом творении нет ничего выше человека, ибо все видимое и сотворено для человека, так Бог несравненно выше всего сотворенного и ничто не может идти с Ним в сравнение, ни вся видимая и невидимая тварь. Устыдившись такой жертвы, скажу так, и почтив ее, Отец не мог оставить ее в руках смерти, почему уничтожил приговор Свой и воскресил из мертвых Того, Кто дал Себя в жертву, в искупление и взамен за сродных Ему человек — а после воскресит и их самих. Впрочем, души тех, которые веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, в эту великую и страшную жертву, Бог воскрешает и в настоящей жизни, и знамение этого воскресения служит благодать Святого Духа, которую дает Он душе всякого христианина. Те же, которые восприняли Бога делами веры и, быв возрождены Духом, наименовались богами, видят Его Самого — Отца их, всегда обитающего во свете неприступном, имея Его обитателем, живущим в них самих, и сами взаимно обитают в Нем — совершенно неприступном. Итак, плачьте о себе, кайтесь и повседневно проливайте горячие слезы, дабы омыть умные очи сердца и увидеть тот Свет, воссиявший в мире, Который, сияя, вопиет и зовет: «Я свет миру» (Ин. 8:12; 9:5). «Я был, есть, и буду, и хочу быть видимым, чтобы верно поклоняющиеся Мне, как Богу, и хранящие заповеди Мои невидимо просвещались. Ибо иначе невозможно хорошо познать домостроительство Мое и снисхождение Мое, и прийти в страх, и поклониться Мне, бывшему во образе человека и несказанно пребывавшему Богом. Итак, Я есть един, Бог совершенный и человек всесовершенный, всецелый: плоть, душа, ум и Слово. Весь человек и Бог в двух сущностях, двух также естествах, двух действиях, и двух волях, и в единой ипостаси, Бог вместе и человек, един есть от Троицы». Кто был по природе совершенным Богом, Тот же Самый сделался по природе совершенным человеком, не переменившись природою, и не призрачно только воплотился, но ипостасно соединился с воспринятою от Пресвятой Девы плотью, одушевленную разумной и мыслящей душою. Божественная природа не лишилась своей собственной простоты, и человеческая не превратилась в природу Божества, и из двух не образовалась одна сложная природа. Именем же Христос мы называем ипостась (Личность), и оно применяется не в одном значении, но обозначает две природы. Ибо каждая из двух природ сохраняет Свою природную особенность неизменной. Один Христос, совершенный в Божестве и в человечестве. И из того, что Бог Слово насадил в нашем естестве, изначально сотворив нас, Он не пренебрег ничем, но воспринял все: тело, разумную и мыслящую душу и их свойства. Ибо невоспринятое не исцелено. В отношении к Господу нашему Иисусу Христу мы ведем речь то как о двух природах, то как об одном Лице, но и то и это восходит к одному понятию, ибо две природы — один Христос, и один Христос — две природы.

Тема № 37. О действии Духа Святого

Есть такие люди, которые не только неким молниеподобным образом вкушают от истинных тайн, но на тверди сердца их Само Солнце правды возшло в сиянии лучей своих. В чистом сердце запечатлелось новое небо, явление которого есть свет, и место которого — духовно. А что души праведных соделываются светом небесным — об этом Сам Господь сказал апостолам: «Вы есть свет мира» (Мф. 5:14). Те, кто внутренними очами отражает в себе этот умный свет, блистающий в сердцах, не заняты ничем из земного и вещественного, но всецело погружены в ту неизреченную красоту. Ибо как если кормилица возьмет младенца в свои объятия, а ребенок, видя мать, радуется и веселится, от нее получая молочную пищу, так и имеющие в себе истинный свет Духа и связанные со Христом, созерцая Его, покоятся и «радуются радостью несказанной» (см.: 1 Пет. 1:8), ибо от Него питаются пищей нетленной и в Нем живут жизнью истинной. Видишь, в какую славу и честь превращается человек силой Святого Духа и правым произволением своей свободной воли, старанием и верой? Душа, которую Дух уготовил в обитель Себе, сподобил приобщиться света Его и осиял красотой неизреченной славы Своей, делается вся светом, вся лицом, вся оком, нет у нее ни одной части, не исполненной духовных очей света, то есть нет в ней ничего омраченного, но вся она всецело стала светом и духом. Свет этот, когда является, веселит, а когда скрывается, оставляет рану и болезнь в сердце. Приходя или нисходя на меня, он возводит меня на небеса, одевая и меня светом. Он является мне как некая звезда и сияет как солнце, и мне понятно, как вся тварь держится силою его. В то время, когда все остается, как и было, ко мне в средину сердца моего ниспадает свет и поднимает меня превыше всего. И несмотря на то что я нахожусь среди всего окружающего, он ставит меня вне всего, не знаю, не вне ли также и тела. Он ставит меня вне всего видимого и отделяет от всего чувственного. Ни я, ни кто-либо другой не сможет изъяснить тебе того, каким образом Бог — вне всего по Своей сущности, природе, силе и славе, и как Он везде во всем, в особенности же во святых, обитает и вселяется в них разумно и существенно, будучи Сам совершенно пресущественен; как в человеческих внутренностях содержится Тот, Кто всю тварь содержит. То, что я вижу, есть Солнце, Которое невыразимо приятно для чувства, Оно влечет душу к неизреченной и Божественной любви. Душа же, видя Его, воспламеняется и горит любовью, желая всецело иметь внутри себя То, что является ей. Это единое и всякое вместе благо и видимо бывает для человека, и слышимо, и услаждает вкус, и благоухает, осязается, познается, и знаемо бывает человеком. Ибо кто познается Богом, тот знает, что познается, и кто видит Бога, тот знает, что и Бог видит его. Знаю, что Пребывающий недвижимым нисходит ко мне. Знаю, что по природе Невидимый видится мне. Знаю, что Далеко отстоящий от всей твари воспринимает меня внутрь Себя и скрывает в объятиях, и я нахожусь тогда вне всего мира. С другой стороны, и я, смертный и ничтожный среди мира, внутри себя созерцаю всего Творца мира и знаю, что не умру, пребывая внутри Самой Жизни и имея всецелую, внутри меня возрастающую Жизнь. Но могу ли я хорошо уразуметь, каким образом это бывает? И в состоянии ли я высказывать тебе то, что разумею и вижу? Ибо поистине совершенно невыразимо то, чего «око не видело, ухо не слышало и что на сердце плотское никогда не восходило» (см.: 1 Кор. 2:9) Что же производит во мне это и что я вижу и не могу высказать? Однако слушай, и уразумеешь эту вещь. Она светит во мне наподобие лампы, скорее, она видится сперва на небе, будучи неизмеримо выше небес, видится весьма неясно, незримо, когда же я с трудом взыщу ее и неотступно стану просить, чтобы воссияла, то она или яснее видится там же, отделяя меня от всего земного и неизреченно соединяя со светлостью ее, или вся сполна внутри меня показывается как шаровидный, тихий и Божественный свет, безобразный и безвидный, во образе безобразном

видимый и говорящий мне следующее: зачем ты ограничиваешь Мое присутствие небесами и там ищешь Меня, думая, что Я там обитаю? Зачем полагаешь, что Я нахожусь на земле, и разглашаешь, что Я пребываю со всеми, определяя, что Я везде нахожусь? Это «везде» приписывает Мне величину, но Я совершенно не имею величины, ибо знай, что естество Мое превышает величины, а то «на земле» показывает ограничение, но Я, конечно, совершенно не ограничен. Итак, не зная Бога, Каков Он по образу и виду, по величине и красоте, как я изъясню Его действия? С одной стороны, как человек, я не умею созерцать ничего Божественного, будучи совершенно отделен от невидимого, с другой стороны, вижу, что через сыноположение я сделался богом и бываю причастником того, что неприкосновенно. Во мне видится как бы звезда, восходящая вдали, и соделывается опять как бы великим солнцем, не имеющим ни меры, ни веса, ни предела величине своей, и становясь малым сиянием, снова видится как свет в середине сердца моего и во внутренностях моих, и делающий их светом. Я — та звезда прекрасная, которая некогда, как ты слышал, возшла от Иакова, это Я, не сомневайся. Я показываюсь тебе и солнцем, вдали восходящим, которое для всех праведных есть свет неприступный в будущем веке и жизни вечной, и сиянием также и, как свет, тобою созерцаюсь, неопалимо пожигая страсти. Однако Я по естеству невыразим, будучи неместим, неоскудевающ, неприступен, невидим для всех, неприкосновенен, неосязаем и по существу неизменен, один в единой Вселенной, и один Я неподвижен, ибо где Меня нет, чтобы через перемещение Я достиг Своего места? Как неуловимый, Я не внутри, а как уловимый, не вне нахожусь, будучи же неограничен — ни внутри, ни вне. Ибо Творец внутри чего может быть или же вне чего, скажи мне? Я все ношу внутри, как содержащий всю тварь, а нахожусь вне всего, будучи отделен от всего. Ибо Творец тварей как не будет вне всего? Существовая прежде всего и наполняя все, как исполненный всем, как не буду существовать Я, создав все? Пойми, о чем Я вещаю тебе. Создав всю тварь, Я отнюдь не переменил места и не соединился с созданиями. Если же Я неограничен, то где, скажешь ты, нахожусь Я, не телесно, говорю тебе, но, пойми Меня, мысленно? Ища же Меня духовно, ты найдешь Меня неограниченным, а потому опять — нигде, ни внутри, ни вне, хотя и везде во всем, бесстрастно и неслиянно, а потому вне всего, так как Я был прежде всего. Но оставим всю эту тварь (образы), какую видишь ты в своих видениях, потому что она не причастна разуму (имеет материальный образ: звезда, луч, солнце и так далее) и справедливо не имеет близости к Слову, будучи лишена всякого ума. Не исследуй естества Моего, сыне человеческий, ни действий Духа Моего Святого. Но ты удивляешься и исследуешь — однако не полезно тебе это. Итак, веруй, что Я — свет совершенно неизобразимый, весь простой, несложный, нераздельный естеством, неисследимый и вместе доступный недоступным образом. Ибо поистине Я видим бываю и человеколюбно являюсь, преобразуясь сообразно восприятию каждого из людей, не со Мною, впрочем, это бывает, но видящие так сподобляются Меня видеть, ибо иначе не могут, не вмещают большее. Зная это, ты отнюдь более не просил бы Меня говорить о таковых вещах, ибо они по природе невыразимы и совершенно неизглаголанны, для людей неизреченны, неведомы и для ангелов, и для всякой иной тварной сущности поистине непостижимы. Познай же лучше, что Я совершенно непостижим и сопребываю и люблю одних любящих Меня, и всегда горячо помнящих Мои заповеди, и никоим образом не предпочитающих им чего-либо скоротечного, с таковыми беседуя, Я и буду сопребывать ныне и вовеки. Аминь.

Тема № 38. О высшем духовном состоянии совершенных

Послушай, что тебе делать, всяк желающий спастись и прежде всех ты, вопрошающий Меня. Думай, что ныне ты умер, что ныне ты отрекся и оставил весь мир, покинув друзей, сродников и всякую суетную славу, вместе с тем, совершенно отбросив попечение о земных предметах, возьми крест на плечи, крепко его привяжи и до конца жизни переноси труды искушений, боли скорбей и гвозди печалей, принимая их с величайшею радостью как венец славы. Итак, вследствие того, что ты ежедневно понуждал Меня, благого по природе, своими слезами, Я начал, как ты знаешь, чаще являться тебе, мало-помалу очищая душу твою покаянием и сожигая находящееся в тебе вещество страстей — эти не плотские или вещественные, но невещественные терния, как бы мрачные тучи, как бы густую мглу и тьму. После того как ты просветился, разумеется, от поста и трудов бдения, от молитвы и всякого рода злострадания и омылся беспрестанными горячими слезами, Я соделал тебя удобовместимым сосудом, и не только удобовместимым, но и очищенным в огне, чтобы пребывать тебе в нем, внимай, неопалимым. Сделав тебя, таким образом, таковым, летавший вокруг тебя и окружавший тебя Свет, будучи Сам по природе неприступен, весь вошел в тебя и чудным образом изменил тебя прекрасным изменением. Но если ты не всеми твоими делами будешь служить Ему, Свету, то есть Мне, но под некоторым предлогом или без предлога допустишь в сердце хотя бы малый неприязненный помысл против кого-либо и если при этом горячо, со слезами, не раскаешься, удалив от себя покаянием неприязненный помысл, а равно и всякое дурное расположение сердца, то этот Свет не будет пребывать в тебе, потому что Он есть Божественный Дух, сопребывающий со Мною и Отцом, как Мне единосущный. А если ты сам себя покажешь последним из всех, рабом и слугою, то после Я сделаю тебя первым из всех, как обещал Я. Я Бог пребезначальный, Я по естеству Владыка, Царь небесных и преисподних, и все, даже не хотящие, являются Моими рабами. Ибо Я Творец всех, Судья и Владыка, и ныне есть, и буду во веки веков. Но нежелающего Я никогда не принуждаю, а хочу, чтобы служение повинующихся Мне было свободным и самопроизвольным, совершалось со страхом и любовью. Ибо Я желаю, чтобы таковы были рабы Мои, таковы наемники, таковы и друзья Мои. Прочих же Я не познал и ими не познан. Поэтому жестоким, безжалостным и несправедливым называют Меня и говорят обо Мне сыны неправды. Итак, что делать Мне с ними? Я совершенно недоумеваю. Ибо спасти их без их воли и по принуждению — это показалось бы скорбным для нежелающих спастись. Ведь добро воистину будет добром только по воле, без воли же добро не будет добром. Поэтому желающих и Я вижу, и ими видим бываю, и делаю их сонаследниками Царства Моего. нежелающих же Я оставляю с их желанием в этом мире. И они сами прежде суда бывают своими судьями, так как в то время, когда сиял Я — Свет неприступный, они сами себе причинили тьму, не желая видеть Света, и остались во тьме.

Взыщем же наперед сохранить заповеди Божии, покаяться, сокрушиться и смириться — тогда откроется и для нас как бы малое некое отверстие в этом видимом крове небесном, а через него покажется несколько и невещественный мысленный свет, сущий превыше небес, который как только увидит душа, вся приходит в восхищение и стоит, пораженная видением этого нового и преславного чуда, никогда не виданного ею доселе, будучи же восхищена на небо, она старается пребыть там, углубляясь мыслью в недомыслимый этот свет, и погружается в созерцание его день и ночь, и желания уже не имеет опять возвратиться в темницу мира и смотреть на вещи, которые в нем. Столь неудержимы в стремлении к Богу души, к которым прикоснулась благодать Божья. По причине ненасытного желания созерцать Божественную доброту, они молятся о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечность. Кто вкусил этого света, тот понимает, о чем я говорю.

Вкушение этого света хуже голода томит душу, которая им питается, но никогда не насыщается, и чем более его вкушает, тем более алчет. Этот свет влечет к себе ум, как солнце очи, свет неизъяснимый сам в себе. Святые в будущем веке, где ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе. Так бывает с нами. Как скоро ум сподобится ощутить будущее блаженство, забудет он и самого себя, и все здешнее, и не будет уже иметь в себе движения к чему-либо. Молитва совершенных есть прежде всего умное действие: это значит не обращаться к телу и окружающим тело вещам, не действовать чувством и его спутником — воображением, не пытаться познать рассудочно и умозрительно устройство сущего мира, но сосредоточиваться на одной молитве. Бесстрастие — это не умерщвление страстной силы души, а ее направление и движение от худшего к лучшему, когда душа полностью отворачивается от дурного и обращается к прекрасному. Подвиг в молитве — лишь до этой черты, а за этим пределом будет уже изумление, а не молитва, потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание. Иное дело — молитвенное услаждение, а иное — молитвенное созерцание. Это нечто намного более прекрасное — насколько возможно говорить так, — чем чин молитвы. Молитва по чину своему ниже, чем духовное созерцание, и об этом не может быть и спора, молитва ниже этой великой тайны. Всегда, когда ум возбужден каким-либо прозрением, тогда не остается у него даже силы молиться или какого-то помысла, ибо умолкает человек тот умом, и телом, и душой. Благодаря чистоте удостоивается он действия Духа Святого: сначала очищается он, а затем и освящается. И время от времени, когда находится он в мысленном собеседовании с Ним, благодаря некоему светоносному движению, которое превыше тела, приобретает он внутреннее безмолвие в Боге — в уподобление неким реальностям будущего века, постоянного и неизреченного покоя в Боге. В этой жизни духа уже нет молитвы. Всякая существующая молитва состоит из прекрасных помыслов и душевных движений. На духовном же уровне и в жизни духа нет ни помыслов, ни движения, нет даже какого-либо ощущения малейшего движения души относительно чего-либо, ибо естество полностью удаляется от этого и от всего, что свойственно ему. И пребывает человек в некоей несказанной и неизъяснимой тишине, ибо действие Духа Святого пробуждается в нем, и поднимается он выше области душевного знания.

Вершина же всякого блага для человека Божьего в мире есть эта чистая молитва. И если не умрет человек по отношению ко всем людям и не будет усердствовать в безмолвии наедине с собой, словно мертвец во гробе, не сможет он приобрести это для себя. Ибо чистая молитва требует отрешенности от всего, дабы благодаря этому целомудренно и без рассеянности предстоял человек перед Богом, а разум его был собран отовсюду внутрь, вглядываясь только в Бога в безмолвии движений своих. Человек, по причине действенного вселения в него Святого Духа, не только делание добродетелей совершает уже с великим наслаждением, без утомления, но легко и удобно воспримлет на себя труднейшее — страдания Христовы. Укрепляемый Духом, с великим вожделением дает он обет пострадать за Христа — и готов бывает быть в наготе, голоде, терпеть всякое злострадание ради Господа, подвергаться ненависти, бесчестию, злоречию, готов стать как бы отребием мира и наконец быть распинаемым и принимать на себя юродство. Ибо самое полное вселение в него Духа Святого и нетленное действенное утешение будущей надеждою воскресения приуготовляет его к тому, что страдания Христовы приемлет он с великим услаждением.

Перечень цитируемой литературы

1. Григорий Богослов, свт. Избранные творения. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005.
2. Григорий Богослов, свт. Песнопения таинственные. — М.: Правило Веры, 2004.
3. Григорий Палама, св. Триады в защиту священно-безмолвствующих. — СПб: Наука, 2004.
4. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник, прп. Толкования. — СПб: Алетейя, 2003. — (Визант. б-ка).
5. Иоанн, игумен Синайской горы, прп. Лествица, возводящая на небо. — М.: Правило веры, 2005.
6. Исаак Сирий, прп. О Божественных тайнах и о духовной жизни: Новооткрытые тексты. — М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 1998.
7. Каноны, или Книга Правил, святых апостолов, святых Соборов, Вселенских и Поместных, и святых отцов. — СПб: Общество святителя Василия Великого, 2000.
8. Макарий Египетский, прп. Творения. — М.: Паломник, 2002. — (Б-ка отцов и учителей Церкви, т. 11).
9. Постановления апостольские. — [Б. м.]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
10. Святоотеческие тексты догматического содержания: хрестоматия к спецкурсу по догматическому богословию (для заочн. отд-ния). — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 1999.
11. Святые отцы о молитве и трезвении. — Репр. воспр. изд. 1889 г. — [Б. м.]: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2004.
12. Симеон Новый Богослов, прп. Гимны. — М.: Правило Веры, 2006.
13. Симеон Новый Богослов, прп. Слова: в 2 т. — М.: Правило Веры, 2006.
14. Творения преподобного Иоанна Дамаскина: Источник знания. — М.: Индрик, 2002. — (Святоотеч. наследие).